
ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

25-ти-лѣтній юбилей профессора Алексѣя Ивановича Введенскаго.

25-го августа 1911 года исполнилось 25 лѣтъ съ того дня, когда вступилъ на служеніе Церкви, богословской наукѣ и духовной школѣ ординарный профессоръ Академіи по кафедрѣ систематической философіи и логики, докторъ богословія, Алексѣй Ивановичъ Введенскій.

Еще во дни дѣтства и юности юбиляръ прошелъ суровую школу жизни, которая приготовила его къ тому, чтобы стать неутомимымъ труженникомъ и съ честью носить въ теченіе цѣлой четверти вѣка высокое званіе профессора высшей духовной школы. Проф. А. И. Введенскій—сынъ священника. Родитель его былъ въ бѣдномъ приходѣ села Городкова, въ глуши Волоколамскаго уѣзда, въ 170 верстахъ отъ Москвы и въ 40 отъ уѣзднаго города. Нерѣдко мальчику-ученику Введенскому приходилось пѣшкомъ путешествовать изъ роднаго села въ Волоколамскъ, гдѣ въ духовномъ училищѣ началъ онъ свое образованіе. Восходя отъ силы въ силу, А. Ив. продолжалъ свое образованіе въ Виванской духовной семинаріи и завершилъ въ Московской Духовной Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1886 году. Въ томъ же году 25 августа А. Ив. былъ назначенъ преподавателемъ въ Вологодскую духовную семинарію, но уже черезъ годъ, по рекомендаціи знаменитаго профессора В. Д. Кудрявцева, приглашенъ былъ въ Академію на кафедру исторіи философіи и по прочтеніи 7 и 9 сентября 1887 года двухъ пробныхъ лекцій занялъ эту кафедру въ званіи исправляющаго должность доцента.

Уже съ этого времени въ различныхъ журналахъ начали появляться ученые статьи молодого профессора, а скоро увидѣть свѣтъ и первый его большой ученый трудъ: „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія (Положительное рѣшеніе вопроса въ связи съ историко-критическимъ изученіемъ его въ текущемъ столѣтіи). Москва 1891“. Трудъ этотъ, представленный въ Совѣтъ Академіи въ качествѣ магистерской диссертации, заслужилъ лестные отзывы назначенныхъ Совѣтомъ рецензентовъ. Бывшій инспекторъ Академіи Архимандритъ Антоній (нынѣ архіеп. Тверской) отмѣтилъ въ этомъ ученomъ трудѣ подробное раскрытіе психологическаго процесса вѣры, глубоко вѣрный критическій анализъ главнѣйшихъ направленій философской литературы вопроса за цѣлое столѣтіе, безпристрастность въ изслѣдованіяхъ вообще и особенно въ классификаціи философскихъ рѣшеній вопроса, правильное руководство ученіемъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви при изложеніи положительнаго рѣшенія вопроса о вѣрѣ, а также и то, что сочиненіе съ начала и до конца проникнуто серьезнымъ сознаніемъ важности рѣшаемаго вопроса и глубокимъ чувствомъ вѣрующаго христіанина. Проф. В. Д. Кудрявцевъ отмѣтилъ выдающуюся полноту и тщательность ученаго труда молодого богослова и философа. „Нѣтъ почти, писалъ знаменитый профессоръ, ни одного сколько-нибудь выдающагося въ философскомъ и богословскомъ мѣрѣ текущаго столѣтія направленія въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи, сколько-нибудь замѣчательнаго писателя, о которомъ авторъ не сообщилъ-бы яснаго и отчетливаго представленія“. 29 апрѣля 1891 года А. Ив. защитилъ свою диссертацию на публичномъ диспутѣ, а 9 августа того же года былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ степени магистра богословія и 23 сентября въ должности доцента Академіи. 1891² учебный годъ А. Ив. провелъ въ заграничной ученой командировкѣ: зимній семестръ въ Берлинѣ, а лѣтній въ Парижѣ, гдѣ занимался философіей въ Сорбоннѣ и Collège de France. Плодомъ этихъ занятій былъ вскорѣ появившійся двухтомный трудъ: „Современное состояніе философій въ Германіи и Франціи“. Во время этой заграничной командировки 3 декабря 1891 года скончался В. Д. Кудрявцевъ, профессоръ метафизики и логики, и Совѣтъ Академіи низкого, кромѣ Алексѣя Ивановича, не нашеть,

кто-бы былъ достоинъ занять кафедру знаменитаго философа. 15 февраля 1892 года Алексѣй Ивановичъ и былъ перемѣщенъ на кафедру метафизики и логики, занявъ мѣсто своего славнаго учителя. Въ 1896 году 23 февраля А. Ив. Совѣтомъ Академіи избранъ и апрѣля 11 Свят. Синодомъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора. 1897^{1/2} уч. годъ снова былъ проведенъ въ заграничной командировкѣ. Въ 1902 году Алексѣемъ Ивановичемъ на соисканіе степени доктора богословія былъ представленъ капитальный трудъ подъ заглавіемъ: „Религіозное сознаніе язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій“. Съ большою похвалою отозвались и объ этой диссертациіи официальные рецензенты. Въ ней, по отзыву проф. С. С. Глаголева, высказывается не мало такого, чего не было высказано и въ западной литературѣ; авторъ выступаетъ съ выдающимся искусствомъ систематизаціи и формулировки и поражаетъ читателя своей разносторонностью; кромѣ того, диссертациія имѣетъ большую апологетическую цѣнность, потому что убедительно и основательно раскрываетъ, что ни въ какой сферѣ и сторонѣ жизни человѣку невозможно уйти отъ религіи. Проф. И. Д. Андреевъ признаетъ диссертацию А. Ив. солидной и круной работой, гдѣ каждый шагъ впередъ обставленъ солидными сооружениями изъ ссылокъ, возбуждающихъ полное довѣріе въ читателя, работой, интересной не только для историка религіи, но и для историка вообще, ибо серьезные и выношенные взгляды по многимъ вопросамъ исторіософіи дѣйствуютъ на читателя возбуждающимъ образомъ. 13 сентября 1902 года А. Ив. утвержденъ въ ученой степени доктора богословія, а 14 января 1905 года возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Служилъ и служитъ Алексѣй Ивановичъ Академіи и на другихъ поприщахъ, кромѣ кафедры философіи. Съ 4 окт. 1895 года по 12 сент. 1896 года онъ состоялъ лекторомъ англійскаго языка; съ 27 октября 1906 года по 15 авг. 1908 г. временно преподавалъ исторію философіи, а съ 13 декабря 1906 года состоитъ членомъ Академическаго Правленія. Какъ авторитетный и пріобрѣтшій почетную извѣстность мужъ совѣта, Алексѣй Ивановичъ оказывался нужнымъ и для высшей церковной власти и даже для учрежденій свѣтскихъ. Такъ въ 1903 году онъ былъ назначенъ членомъ учрежденной по соглашенію Его

Императорскаго Высочества Московскаго Генераль-губернатора съ министромъ народнаго просвѣщенія комиссін для детальной разработки вопроса о преобразованіи университетскаго отдѣленія Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Въ настоящее время читаетъ лекціи по логикѣ въ Московскомъ Педагогическомъ Институтѣ. Въ 1909 году онъ назначенъ былъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 3 марта въ составъ учрежденной при Св. Синодѣ комиссін для выработки проекта новаго устава духовныхъ академій. По суду высшей церковной власти А. Ив. оказался достойнымъ стать въ ряду тѣхъ немногихъ лицъ, которымъ можно вѣрить судьбы высшей богословской школы.

Объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ досточтимаго юбиляра скажутъ на дальнѣйшихъ страницахъ другіе, но нельзя не отмѣтить двѣ наиболѣе характерныя ихъ черты—современность и широкую разносторонность, — черты особенно цѣнныя потому, что въ трудахъ академическихъ профессоровъ встрѣчаются онѣ не особенно часто. Даже спеціальныя ученые труды Алексѣя Ивановича почти всегда отвѣчали на запросы современности (см. предисловіе къ его докторской диссертации, стр. IV—V), но особенно на эти запросы отвѣчать онъ множествомъ своихъ трудовъ публицистическихъ. А. Ив. не замыкался въ тѣсныя рамки однихъ только спеціально научныхъ вопросовъ и кабинетныхъ работъ. Нѣтъ, со своимъ авторитетнымъ словомъ, устнымъ и письменнымъ, онъ выступалъ предъ широкой публикой. Свѣтскіе органы печати охотно предоставляли свои столбцы для статей Алексѣя Ивановича, а съ 1897 года онъ состоитъ постояннымъ, однимъ изъ дѣятельныхъ и виднѣйшихъ сотрудниковъ газеты „Московскія Вѣдомости“. Нельзя не остановиться съ изумленіемъ предъ множествомъ и разнообразіемъ тѣхъ темъ, по которымъ высказывался нашъ почтенный юбиляръ. Вопросы религіозные и философскіе, вопросы литературы и искусства — все находило откликъ и серьезную авторитетную оцѣнку въ учено-публицистическихъ трудахъ Алексѣя Ивановича. Трудно указать тотъ волнованный обществомъ религіозно-философскій вопросъ, событіе или лицо, которое было бы обождено имъ молчаніемъ. Начинается религіозное „богоискательство“, скоро переходящее въ декадентство,—первымъ и серьезнѣйшимъ критикомъ этого движенія въ духовно-

богословскомъ мірѣ является Алексѣй Ивановичъ (см. Никольскаго „письма о русскомъ богословіи“), причѣмъ достоинства его критики признаются даже самими „новопутейцами“ (см. ст. В. Розанова въ „Новомъ Пути“ за апрѣль 1903 года). А. Ив. печатаетъ цѣлую книгу „писемъ о современномъ искусствѣ“, цѣлый рядъ лѣтъ состоитъ редакторомъ журнала „Душеполезное Чтеніе“ и на его страницахъ ведетъ полемику объ идеалахъ монашества: онъ же, углубляясь въ смыслъ событій „освободительнаго“ движенія, поднимаетъ столь важный и современный вопросъ о такъ называемой „философской отвѣтственности“. Достаточно посмотреть на списокъ печатныхъ трудовъ юбиляра, чтобы представить себѣ, какого высокопросвѣщеннаго, глубокоученаго, разносторонняго и живого человека 25 лѣтъ имѣетъ Московская Духовная Академія на философской кафедрѣ въ лицѣ Алексѣя Ивановича Введенскаго. Сознывая это и высоко цѣняя, Академія не могла остаться безучастной, когда исполнилось 25 лѣтъ живой и плодотворной дѣятельности ея выдающагося профессора и когда принято окладывать взоромъ прошлое и подводить ему итоги.

Къ сожалѣнію, день юбилея совпалъ съ печальнымъ для Академіи временемъ: тяжелая болѣзнь поразила Преосвященнаго Ректора и Академія оказалась въ положеніи печальной вдовицы, которой не къ лицу что-либо торжествовать и праздновать. Вотъ почему Академію предупредили ученики юбиляра, живущіе въ Москвѣ, которые въ Москвѣ же устроили чествованіе своего чтимаго академическаго учителя. Чествованіе это съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Владиміра состоялось 18 сентября 1911 года въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ нетлѣнно почиваетъ Святитель Алексій, небесный покровитель юбиляра. Соборъ священнослужителей, совершавшихъ въ этотъ день Богослуженіе въ Алексѣевскомъ храмѣ Чудова монастыря, возглавилъ ученикъ юбиляра Преосвященный Анастасій, Епископъ Серпуховской. Ему сослужили: епископальный ризничій архим. Димитрій, намѣстникъ Чудова монастыря архим. Арсеній, настоятель Сербекаго подворья архим. Михаилъ, намѣстникъ Богоявленскаго монастыря архим. Шполитъ, протоіерей X. К. Максимовъ, священ. А. Ив. Рождественскій и священ. Г. Ив. Добронравовъ. Постъ литургій Преосвящен. Анастасіи произвѣст-

слово, въ которомъ отмѣтить глубокое и плодотворное вліяніе Алексѣя Ивановича, какъ профессора философіи, на его слушателей, вліяніе тѣмъ болѣе отрадное и цѣльное, что А. Пв. философъ-христіанинъ. Въ концѣ слова своего Преосвященный обратился къ юбиляру, стоявшему у раки мощей Святителя Алексѣя, и призывалъ его съ такимъ же достоинствомъ и непоколебимостію, какъ досель, стоять на стражѣ христіанскаго просвѣщенія и науки.

Затѣмъ было совершено молебствіе, на которое вышли также, кромѣ служившихъ литургію, ректоръ Московской Духовной Семинаріи архим. Борисъ и до 40 протоіереевъ и іереевъ. Молебенъ закончился провозглашеніемъ многотрія юбиляру.

Послѣ Богослуженія всѣ собравшіеся въ храмѣ перешли въ комнаты митрополичьихъ покоевъ Чудова монастыря, гдѣ, послѣ цѣнія молитвы, началось принесеніе привѣтствій.

Первое привѣтствіе было отъ Ея Императорскаго Высочества, Почетнаго Члена Академіи, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, отъ лица которой привѣтствовалъ юбиляра свящ. Марѳо-Маріинской общины о. Е. К. Синадскій, передавшій юбиляру отъ Ея Высочества образъ Святителя Іоасафа, освященный на его св. мощахъ 4-го сентября, съ собственноручной надписью Ея Высочества. Глубоко тронутый принялъ юбиляръ этотъ священный знакъ высокаго вниманія.

Высокопреосвященный Митрополитъ Владиміръ, находившійся въ этотъ день въ г. Коломнѣ, прислалъ слѣдующую телеграмму:

„Сердечно привѣтствую Васъ, дорогой Алексѣй Ивановичъ, съ юбилейнымъ торжествомъ и усердно молю Всевышняго, да продлитъ Онъ Вашу многоплодную, разноплодную и благоплодную дѣятельность еще на многіе годы“.

Митрополитъ Владиміръ.

Отъ лица всѣхъ бывшихъ слушателей юбиляра выступилъ свящ. о. Г. Пв. Добронравовъ, который прочиталъ слѣдующій привѣтственный адресъ, покрытый множествомъ подписей.

Дорогой учитель!

„Четверть вѣка тому назадъ Вы, полный юнашескаго огня и богатыхъ духовныхъ силъ, были призваны подъ сѣнь на-

шею дорогою *almae matris* и поставлены на свѣщницѣ одной изъ наиболѣе трудныхъ для изученія областей знанія. Здѣсь, по особому строенію Божію, Вамъ было суждено сначала итти по слѣдамъ другихъ великихъ пыталелей глубинъ чело-вѣческаго духа, великихъ искателей свѣтлой и единой истины. преемственно трудившихся надъ рѣшеніемъ тайны отъ вѣка, — „въ чемъ состоитъ существо чело-вѣка: откуда приходитъ, куда онъ идетъ и кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ“. Испытавши всѣ пути, которыми прежде ходилъ разумъ чело-вѣчскій къ раскрытію этихъ тайнъ, прослѣдивши всѣ извилистыя тропы, какими познаніе приближалось къ Причинѣ всѣхъ причинъ, воспріявши премудрость и опытъ мужей древнихъ и новыхъ, философски обрабатывавшихъ результаты чело-вѣческаго знанія, Вы уже въ полномъ всеоружіи были призваны самостоятельно освѣщать тотъ лабиринтъ неустан-ныхъ исканій чело-вѣческаго духа, что именуется философіей, указывать вѣрнѣйшіе пути къ истинѣ, прокладывать въ толщѣ увлеченій земными благами и малоцѣнными погрешками житейской суеты дорогу истинному самоцѣнному Благу и являть мятущемуся міру нетлѣнный Ликъ подлинной Кра-соты. И эта, сама по себѣ очень тяжелая, задача, возложен-ная на Васъ Провидѣніемъ, этотъ, поистинѣ, подвигъ, при-нятый Вами, усугублялись въ своей тяжести въ силу особыхъ условій. Вы призваны были руководить юношествомъ, кото-рое вообще склонно слишкомъ переоцѣнивать силу и значе-ніе своего разума, готово все поставить подъ сомнѣніе, все подвергнуть критикѣ, а свое собственное рѣшеніе, свой соб-ственный взглядъ считать непогрѣшимымъ. Съ другой сто-роны, Вамъ суждено было выступить на попрѣцѣ философ-ской науки въ то время, когда для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Православной Церкви и для Васъ самихъ было очевидно, говоря Вашими словами, что всегда имѣвшее мѣсто въ хри-стіанской исторіи увлеченіе началами и стихіями мысли язы-ческой теперь особенно подняло голову, что язычествующее сознаніе никогда не заявляло себя въ христіанскомъ мірѣ такъ громко и дерзко, какъ именно въ наше время, — время широко распространенныхъ увлеченій Буддою, Заратустрою и другими „восточными мудрецами“, время открытой про-повѣди паломничества въ „пустыни безбожія“... Ясно было, что именно въ наше время христіанамъ особенно необходимо

„духовное разсужденіе“, которое бы и давало имъ возможность точно отличать христіанскую истину отъ всего ей „внѣшняго“. И конечно особенно необходимо было это „духовное разсужденіе“ представителю философской науки въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія, одному изъ немногихъ руководителей самымъ направленіемъ философской мысли въ русской богословской школѣ. И не даромъ Вы были питомцемъ и любимымъ сыномъ Московской Духовной Академіи,—Академіи Горскихъ, Голубинскихъ, Кудрявцевыхъ, Академіи строго православныхъ традицій, искренней преданности догматамъ Церкви Православной. Какъ проводникъ по темнымъ корридорамъ катакомбъ идетъ впереди съ лампадой, освѣщающая путь слѣдующимъ за нимъ любопытнымъ путешественникамъ, такъ и Вы въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ шествовали съ лампадой Свѣта Христова, и при сіяніи этого Свѣта вели своихъ слушателей по темнымъ извилинамъ философскихъ проблемъ: всякую философскую систему Вы разсматривали сквозь призму Евангелія и оцѣнивали съ точки зрѣнія пригодности ея для нравственнаго усовершенствованія челоѣка и челоѣчества. Подъ Вашимъ глубокимъ анализомъ вскрывались во всей наготѣ недостатки философскихъ построеній кичливаго, положившагося только на свои силы, разума, были ясны до прозрачности пункты уклоненія съ истиннаго пути мудрецовъ вѣка сего, а въ Вашихъ выводахъ, всегда мастерскихъ, точныхъ и послѣдовательныхъ, сверкала и искрилась Христова истина.

„Въ качествѣ учителя на своей кафедрѣ Вы постоянно приковывали вниманіе всѣхъ: не только юноши, лишь смѣнившіе семинарскую скамью на академическую, во множествѣ наполняли Вашу аудиторію и не отрывали своихъ взоровъ отъ Васъ, но и люди болѣе или менѣе зрѣлые, пришедшіе учиться у Васъ чуть не съ половины своего жизненнаго пути, люди, которымъ приходилось и самимъ тяжело задумываться надъ нѣкоторыми вопросами,—и тѣ слушали Васъ съ увлеченіемъ и потомъ приходили къ Вамъ со своими наболѣвшими думами, у Васъ искали разрѣшенія занимавшихъ ихъ жгучихъ вопросовъ. И всегда, и вездѣ, и на кафедрѣ, и въ частной бесѣдѣ Вы оставались однимъ и тѣмъ же,—вдумчивымъ философомъ и истиннымъ христіанскимъ учителемъ.

„Но этого мало. Мы не можемъ пройти здѣсь молчаніемъ и Вашихъ привлекательныхъ свойствъ, какъ человѣка въ простой житейской обстановкѣ. Въ своихъ постоянныхъ сношеніяхъ со слушателями Вы всегда являли искреннее уваженіе къ человѣческому достоинству своего собесѣдника, Вы всегда были толерантны къ мнѣніямъ и воззрѣніямъ своего совопросника, хотя бы это былъ только начинающій студентъ. Вы всегда шли на помощь всякому, кто бы Васъ ни просилъ объ этомъ, охотно жертвуя своимъ досугомъ, котораго у Васъ всегда было немного; всѣ Ваши отношенія всегда отличались неподдѣльною гуманностью.

„Дорогой учитель! Мы здѣсь не имѣли въ виду дать точной оцѣнки Вашихъ учено-профессорскихъ трудовъ и всесторонняго освѣщенія Вашей нравственной личности. Мы просимъ принять высказанное нами только какъ порывъ сердца, волнуемаго благодарнымъ чувствомъ за все то, что мы—Ваши ученики и читающее русское общество—получили отъ Васъ за эти истекшія 25 лѣтъ Вашей дѣятельности. Какъ видимый знакъ нашихъ чувствъ просимъ принять отъ насъ св. икону; мы подносимъ ее съ горячей молитвой, чтобы Сама Пречистая покрывала Васъ Своимъ омофоромъ на всѣхъ путяхъ Вашей жизни, и чтобы св. Угодники—Святитель Алексій и Преподобный Сергій—сохранили Васъ на пользу Родинѣ и наукѣ еще многая, многая лѣта“.

Преосвященный Анастасій передалъ колѣноопреклоенному юбиляру цѣнный серебряный складень съ изображеніемъ Покрова Пресвятой Богородицы, святителя Алексія и преп. Сергія, богато украшенный золотомъ, эмалью и камнями. Поднесенный адресъ заключенъ былъ въ цѣнную художественную папку, на серебряной доскѣ которой помѣщены изображенія Сократа и Канта, видъ Академіи, юбилейныя даты, инициалы юбиляра и названія его важнѣйшихъ ученыхъ трудовъ. Въ среднѣй папкѣ надписи: *„Дорогому учителю А. И. Введенскому отъ признательныхъ учениковъ, бывшихъ питомцевъ Московской Духовной Академіи“.*

Затѣмъ намѣстникомъ Богоявленскаго монастыря отъ Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, ученика юбиляра по Академіи, была вручена ему икона Божіей Матери и прочтано слѣдующее привѣтствіе:

„Глубокочтимый Алексѣй Ивановичь!“

Привошу мое искреннее привѣтствіе съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей ученой и педагогической дѣятельности. Крайне сожалею, что продолжительное богослуженіе (Литургія съ крестнымъ ходомъ) мѣшаютъ мнѣ лично привѣтствовать Васъ.

Прошу Васъ принять отъ меня, какъ Вашего благодарнаго ученика и усерднаго читателя, въ благословеніе сію Святую Икону. Наша Небесная Помощница да даруетъ Вамъ силу къ дальнѣйшему прохожденію Вашего многополезнаго служенія Святой Церкви и Родинѣ.

Призывая на Васъ миръ и благословеніе Божіе, остаюсь съ искреннимъ почтеніемъ Вашъ покорный слуга и богомолецъ Епископъ Трифонъ“.

Намѣстникъ Чудова монастыря архим. Арсеній, также ученикъ юбиляра, сказавъ теплое привѣтственное слово, поднесъ ему отъ своей обители икону Святителя Алексія.

Выступившій затѣмъ о. іеромонахъ Ионафанъ поднесъ отъ Троице-Сергіевской Лавры икону преп. Сергія и 100 рублей на премію за лучшія философскія сочиненія студентовъ Академіи, при чемъ было произнесено слѣдующее краткое привѣтствіе:

„Глубокоуважаемый Алексѣй Ивановичь!“

Обитель Преподобнаго Сергія, высоко цѣня горячую любовь Вашу къ Угоднику Божію и къ его святой обители, въ свѣтлый день торжественнаго празднованія 25-лѣтія Вашей ученой и просвѣтительной дѣятельности, привѣтствуетъ Васъ, какъ вѣрнаго сына Святой Церкви, какъ ревностнаго труженика на нивѣ Христовой. Преподобный Сергіи сими святымъ своимъ образомъ да благословитъ Васъ, его святыми молитвами Милосердый Господь да сохранитъ Васъ, да подастъ Вамъ силы и здоровье еще много лѣтъ трудиться во славу Церкви Христовой на поприщѣ высшаго духовнаго просвѣщенія“.

Свящ. о. А. Ив. Рождественскій прочиталъ слѣдующую привѣтственную телеграмму:

„Московская Духовная Академія всею душою и сердцемъ привѣтствуетъ дорогаго юбиляра и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ присутствующихъ. Имѣя поздравить его въ своемъ составѣ,

нынѣ она шлетъ ему пожеланіе многихъ лѣтъ на пользу богословско-философской науки“. Епископъ Θεодоръ.

Облапшена была также телеграмма отъ г. Почетителя Московскаго учебнаго округа А. А. Тихомірова:

„Научившись самъ столь многому изъ Вашихъ глубокихъ философскихъ трудовъ, отъ всего сердца присоединяюсь къ привѣту Вашихъ учениковъ и почитателей“.

Юбилляръ отвѣчалъ краткимъ словомъ благодарности на каждое изъ приносимыхъ привѣтствій, а затѣмъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Ваше Преосвященство,

Досточтимые Отцы и Милостивые Государи!

Любовь Ваша собрала Васъ здѣсь, чтобы, въ знаменательный моментъ моей жизни, объединившись со мною въ молитвенномъ общеніи, выразить мнѣ слово привѣта и ободренія. Приношу за эту великую честь глубочайшую благодарность всѣмъ Вамъ, а равно и тѣмъ, которые, будучи лишены возможности присутствовать здѣсь лично, участвуютъ въ нашемъ собраніи мыслью и желаніемъ.

Я знаю,—о, хорошо знаю, что дѣло въ данномъ случаѣ собственно не во мнѣ. Что я? Рядовой труженникъ, простирающій слабыя руки къ святынямъ, которымъ призвана служить наука, стоящая подъ водительствомъ православнаго христіанства. Но намъ, всему вообще современному обществу нуженъ объединяющій насъ символъ. Въ насъ просыпается спасительная тоска по объединенію. И вотъ, движимые этою тоскою, мы собрались въ настоящій день въ этихъ, освященныхъ исторію, стѣнахъ около нашего заветнаго знамени... И тѣмъ не менѣе, хотя я ни въ коемъ случаѣ не могу считать себя причиною настоящаго собранія, а развѣ лишь внѣшнимъ поводомъ къ нему, тѣмъ не менѣе,—скажу это не обинуясь,—оно для меня глубоко отрадно. Отрадно испытывать на себѣ токи вашей любви. Ибо трудно человѣку стоять одинокимъ. Трудно особенно въ ту пору жизни, когда начинаешь чувствовать, что силы уже измѣняются, а дѣла впереди еще видятся много. Невольно осматриваешься тогда вокругъ себя и ждешь, не найдется-ли человѣкъ, который бы погрузилъ тебя въ животворныя струи нравственнаго ободренія и поддержки, изъ которыхъ бы ты вышелъ, какъ разслабленный изъ купели Силоамской, обновленнымъ... И вотъ эта

радость дана мнѣ нынѣ. Дана въ сей знаменательный для меня день, его-же сотвори Господь, Которому слава во вѣки.

Но—содрогается душа моя! Содрогается даже и при этой, переполняющей ее радости. Содрогается потому, что я глубоко чувствую несоотвѣтствіе моей дѣятельности съ тою высокою оцѣнкою, которая ей здѣсь дана.

Что дѣлать,—приходится волей-неволей признать это. Ибо жизнь, съ своими прозаично-суровыми, иногда слишкомъ суровыми требованіями, часто заставляетъ насъ дѣлать не то, что хочешь и долженъ, но то, чего совсѣмъ не долженъ и даже не хочешь... Есть апологъ, идущій изъ глубокой древности, который, въ нѣкоторое извиненіе себѣ, я позволю здѣсь пересказать. Одинъ отшельникъ увидалъ однажды въ высотѣ маленькую птичку, надъ которою рѣялъ злой коршунъ, готовый ее растерзать. Отшельникъ сталъ просить коршуна не трогать птички, а взамѣнъ ея взять отъ его тѣла столько, сколько вѣситъ птичка. Коршунъ согласился войти въ эту сдѣлку. Спустились съ высоты къ ногамъ отшельника вѣсы. На одну чашку вѣсовъ сѣла птичка, а на другую отшельникъ сталъ класть куски своего тѣла. Но,—о, ужасъ! Чашка съ птичкою и не трогалась съ мѣста. И лишь когда онъ положилъ послѣдній кусокъ, чашка съ птичкою наконецъ поднялась... Смыслъ этой притчи понятенъ. Птичка, это—символь чистоты и невинности, добра и святости, красоты и внутренняго устройства, къ которому всѣ мы, по самой природѣ своей богоподобной души, невольно стремимся. Отшельникъ—каждый, кто относится къ задачамъ жизни вдумчиво и сознательно, кто не хочетъ примириться съ мыслью, что бы злые коршуны терзали невинность, воплощеніе добра и красоты. Коршунъ это—суровыя условія и требованія, среди которыхъ протекаетъ жизнь лежащаго во злѣ міра и среди которыхъ каждому изъ насъ приходится проходить свой путь. Трудно, при такомъ условіи, не бросать злему коршуну подачекъ—неизбѣжнаго выкупа за возможность служить добру и правдѣ. И всѣ мы время отъ времени ихъ бросаемъ, иногда отторгая отъ себя лучшія части своего существа, иногда даже вступая съ требованіями жизни въ компромиссы и сдѣлки... Въ этомъ суровомъ заковѣ жизни есть для насъ нѣкоторое извиненіе. Однако, всегда при этомъ остается подъ вопросомъ,

отдаемъ ли мы злему коршуну именно то, что ему принадлежить, что и годится развѣ лишь на то, чтобы служить ему пищею, и не жертвуемъ ли мы иногда тѣмъ, изъ чего могло бы быть слѣдено лучшее употребленіе... И вотъ когда я съ этой точки зрѣнія окидываю взоромъ пройденный путь, я нахожу много поводовъ для смущенія.

По снисхожденію вашему, вы высказываете мнѣ въ настоящія минуты чувства только добрыя. Ибо люди духовнаго разсужденія, осторожныя и мудрыя, и въ обыкновенное-то время не позволяютъ себѣ бросать въ лицо ближнему слово осужденія, а тѣмъ болѣе въ минуты торжественныя и важныя. Не самъ-то я глубоко чувствую, что въ моемъ прошломъ есть много поводовъ для смущенія... Поэтому, хотя я и слышу здѣсь лишь слова одобренія и ободренія, согрѣтыя теплотою вашей любви, но они отзываются иногда въ моей душѣ, какъ удары молота, которые *плавятъ* ее. И, о, если бы въ ней нашлась еще способность *переплавиться!*

Одно развѣ лишь могу сказать въ нѣкоторое себѣ оправданіе: я всегда и со всею серьезностію *стремился* воспринимать суровые уроки жизни и, чему самъ научался, то стремился передавать своимъ слушателямъ и читателямъ. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ я выступалъ на научно-литературное поприще, хотя и съ вѣрою въ объективную истину, но вмѣстѣ и со страхомъ, и нужно правду сказать, — болѣе со страхомъ, чѣмъ съ вѣрою. Я страшился какой-то, какъ тогда мнѣ казалось, всесокрушительной отрицательной науки, которая, рано или поздно, — думалось мнѣ, — придетъ и загаситъ свѣточн нашей вѣры. Но теперь я смотрю на волнующуюся область жизни и мысли совсѣмъ другимъ взглядомъ, — несравненно болѣе спокойнымъ и примиреннымъ. Когда я началъ, — чрезъ книгу и чрезъ непосредственное общеніе съ умственной жизнью, особенно въ центрахъ западной университетской жизни (во время заграничныхъ командировокъ), — ближе знакомиться съ этою, сначала для меня столь страшною „наукою“, я понималъ, что по самымъ условіямъ организаціи умственной жизни, *никогда* не наступитъ торжество отрицанія, но всегда будетъ развертываться все та же, совѣчная челоуѣку и челоуѣчеству, трагедія знанія, въ которой уравниваются мотивы отрицательныя и положительныя. причемъ для умовъ вдумчивыхъ всегда будетъ оставаться

полная возможность и *теоретически* утверждать себя въ той высшей истинѣ, къ которой *въ фактъ жизни* по природѣ своей, тяготеетъ наша душа, урожденная христіанка. Вчастности, я понялъ, что, какъ свои акты мы переводимъ въ факты, причѣмъ духовное какъ бы кристаллизуется во внѣшнее въ многостороннемъ творчествѣ нашей жизни,—такъ и наоборотъ, факты мы можемъ, подобравъ надежные для того ключи въ своей собственной душѣ, мысленно обратно переводить въ акты, отчасти въ акты тварныхъ существъ, но первѣе всего въ акты Творческаго Разума, Который воззвалъ міръ изъ небытія къ бытію. Я понялъ, далѣе, что, какъ въ нашей личной жизни, если взять ее не въ частяхъ, а въ цѣломъ, и разсматривать вдумчивымъ взоромъ, открывается высшій смыслъ,—такъ и въ міровой исторіи вдумчивому взору открывается смыслъ, дающій возможность чрезъ тѣмъ и нестроенія прозрѣвать начала зиждательныя. Я понялъ, съ этой точки зрѣнія, что жизнь, личная жизнь каждаго изъ насъ, отнюдь не есть „пустая и глупая шутка“, но есть серьезная трагедія, лишь начало которой,—завязка и первые акты,—развертывается здѣсь, но конецъ, развязка совершится *тамъ*, и что съ этой точки зрѣнія совсѣмъ не позволительно жить такъ, какъ живется, подобно тому, напр., какъ мы читаемъ иногда газету, чтобы только прочитать, но необходимо участвовать въ жизни активнымъ и отвѣтственнымъ борцомъ... Начавъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ *втрюю*, я теперь *знаю*, что Искупитель нашъ живъ... Этому научила меня жизнь и напряженная дума надъ нею,—надъ нею и приобрѣтеніями человѣческой мыслн. И этими знаніями я стремился дѣлиться съ своими слушателями и читателями. Какъ я дѣлалъ это дѣло,—судить, конечно, не мнѣ...

Но довольно о себѣ... Позвольте перевести теперь ваше вниманіе къ тѣмъ, кто далъ мнѣ въ этотъ, знаменательный для меня, день толчокъ къ столь глубокимъ переживаніямъ и кого, по всей справедливости, слѣдуетъ считать подлинными виновниками настоящаго нашего торжества.

Первая мысль и первое движеніе моей благодарности обращается къ Предстоятелю церкви Московскоя, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Владиміру, который благословилъ положить начало подготовленіямъ къ настоящему празднику и дозволилъ намъ собраться въ этихъ священныхъ

стѣнахъ,—къ нему, а также и его достойнымъ сподвижникамъ по управленію епархією, изъ которыхъ двоихъ я имѣю счастье считать въ числѣ своихъ слушателей и которые съ живѣйшимъ участіемъ отвесили къ нашему празднику. Намъ, рядовымъ труженикамъ, легко дѣлать наше маленькое дѣло, когда мы имѣемъ предъ собою такихъ неустанныхъ трудниковъ. Намъ, въ чьихъ рукахъ маленькіе свѣтильники постоянно угасаютъ, легко возжигать ихъ снова и снова отъ пламенныхъ свѣтильниковъ, которые въ рукахъ нашихъ архипастырей яркимъ пламенемъ горятъ на свѣщницѣ церкви Московской... Прошу васъ, отцы и братіе, воспѣть многая лѣта Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Владиміру, преосвященнѣйшимъ епископамъ Трифону, Анастасію и Θεодору, а также и маститымъ владыкамъ, пребывающимъ въ предѣлахъ Московской епархіи на покой, Евимію и Мисаилу, принявшимъ сердечное и дѣятельное участіе въ нашемъ праздникѣ... *Многая лѣта!*

Второе слово моего благодаренія я обращаю къ славнымъ обителямъ: Чудову монастырю, гостепріимно пріютившему насъ нынѣ въ своихъ стѣнахъ и благословившему меня иконою моего небеснаго Покровителя, Святителя Алексія, и великой Лаврѣ Преподобнаго Сергія, приславшей мнѣ въ благословеніе икону Преподобнаго, подъ кровомъ котораго протекала моя служебная дѣятельность въ эти двадцать пять лѣтъ. Глубоко отрадно мнѣ это выраженіе любви со стороны св. обителей. Особенно отрадно потому, что по предмету своихъ занятій я стою лишь въ отдаленномъ отношеніи къ положительному ивоческому смиренномудрію. Въ этомъ я вижу символъ единенія вѣры и науки, которыя, при правильномъ соотношеніи, конечно, вполне могутъ уживаться общительно и мирно, другъ подлѣ друга, и одну изъ формъ конкретнаго разрѣшенія давнихъ споровъ между наукою и вѣрою, каковымъ спорамъ, съ высшей точки зрѣнія, совсѣмъ не должно бы быть мѣста... Высокоуважаемымъ оо. наѣстникамъ, архимандритамъ: Товію и Арсенію, съ ихъ любвеобильною братією, *многая лѣта!*

Дальнѣйшее слово благодарности обращаю къ нашей общей Almae Matri, къ родной всѣмъ намъ Московской Духовной Академіи, въ которой проходило мое служеніе, возглавляемой нынѣ доблестнымъ начальникомъ, преосвященнѣйшимъ

Феодоромъ, и ко всему сонму ея питомцевъ, моихъ слушателей, разстѣянныхъ по всѣмъ концамъ Россіи, особенно же къ тѣмъ изъ нихъ, которые, подъ руководствомъ преосвященнѣйшаго Анастасія, предприняли устроenie настоящаго праздника. Они понесли не легкій трудъ,—я знаю это и преклоняюсь, въ чувствѣ глубочайшей благодарности, предъ этимъ трудомъ. Но особенно знаменательно для меня то, что составъ организационнаго праздничнаго комитета вышелъ изъ среды академическихъ питомцевъ-священниковъ, вступившихъ въ число студентовъ въ печально-памятные для Россіи годы такъ называемаго „освободительнаго“ движенія. Невольно останавливаюсь теперь мыслью на этомъ, тревожно пережитомъ всѣми нами, времени. Мракъ, распространившійся тогда по лицу земли Русской, доползъ и до Академіи и, какъ ни прочнымъ казалось ея огражденіе въ стѣнахъ обители Преподобнаго Сергія, внесъ и туда раздѣленія, броженіе и тревогу... Но вотъ,—вѣрю, заступленіемъ Божіей Матери, защитительно покрывающей ее Своимъ св. омофоромъ, и предстательствомъ Преподобнаго Сергія, неизмѣннаго небеснаго покровителя Академіи,—совершилось какъ бы чудо: въ стѣны Академіи со всѣхъ концовъ Россіи вступило одушевленное готовностію служить православной богословской наукѣ священство и освободило, освободило истиннымъ освобожденіемъ, полоненную науку... Незабываемое время,—время, полное тревоги и борьбы, но виѣсть съ тѣмъ и общаго воспитательнаго подвига, опытнаго подготовленія къ подвигу жизненному! Съ того момента, — благодареніе Богу!—народилось въ Академіи какъ-бы „теченіе встрѣчное“ и теперь научная жизнь въ ней, кажется, уже окончательно вступила въ свое мирное русло... Перенося затѣмъ свое вниманіе на все академическое студенчество, на всѣхъ моихъ слушателей, прошедшихъ предъ моими глазами въ теченіе академической службы, не могу не засвидѣтельствовать здѣсь моею глубокою благодарности имъ за то, что они всегда относились къ моимъ лекціямъ со вниманіемъ, чрезвычайно меня ободрявшимъ. Не разъ случалось со мною, хотя, быть можетъ, это и ускользало отъ ихъ вниманія, что я приходилъ къ нимъ въ состояніи встревоженномъ и озабоченномъ. Но, когда я видѣлъ въ аудиторіи, обыкновенно не скудно населенной, устремленные на меня взоры, когда чувствовалъ

разлиту въ ея атмосферѣ готовность вмѣстѣ со мною прогрузиться въ струи чистой философской мысли, я невольно какъ бы перерождался: заботы спадали и часы лекцій становились для меня часами высокихъ переживаній, какъ бы временнаго перемѣщенія изъ одной атмосферы, удушливой и тревожной, въ другую, возвышенную, чистую и спокойную. Вспоминаю объ этихъ переживаніяхъ съ чувствомъ глубокой отрады и признательности,—особенно нынѣ, въ день, который, по всей справедливости, можетъ быть названъ праздникомъ науки, объединяющей учениковъ съ учителемъ... Родной Московской Академіи, трудящимся въ ней надъ образованіемъ юношества, организаторамъ и участникамъ настоящаго праздника и всѣмъ ея питомцамъ *многая лѣта!*

Не могу, затѣмъ, не помянуть добрымъ словомъ редакцію той газеты, которая, съ трогательнымъ для меня вниманіемъ, огмѣтнула день исполнявшагося двадцатипятилѣтія моей учено-литературной дѣятельности,—тѣмъ болѣе, что съ этою газетою я связанъ тѣсными отношеніями долговременнаго и постояннаго сотрудничества: я говорю о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ я бесѣдовалъ на страницахъ этой газеты съ ея читателями по вопросамъ литературно-философскимъ. Это была какъ бы моя вторая аудиторія,—большая аудиторія... Съ глубокою признательностію вспоминаю нынѣ какъ о тѣхъ, кто далъ мнѣ возможность на страницахъ названной газеты бесѣдовать съ обширнымъ кругомъ читателей, такъ и о самихъ читателяхъ, жившихъ со мною общими интересами. Редактору и всей редакціонной семьѣ, нѣкоторые члены которой,—баронъ А. Э. Нольде, А. А. Александровъ, М. П. Лукинъ,—почтили наше настоящее торжество своимъ личнымъ присутствіемъ, *многая лѣта!*

Кромѣ лицъ, связанныхъ со мною узами общности воспитанія и сотрудничества, я имѣю большое утѣшеніе видѣть въ настоящій день около себя съ выраженіями сочувствія и единомыслія также и лицъ, стоящихъ такъ сказать окрестъ этого тѣснаго міра, но имѣющихъ средняа духовныа тяготѣнія: почтенныхъ оо. протоіереевъ и іереевъ, быть ученикомъ которыхъ я и самъ почиталъ бы для себя за честь, а также и лицъ совсѣмъ другихъ общественныхъ круговъ, но которые сочувствуютъ дѣлу и задачамъ просвѣщенія въ духѣ

православнаго христіанства. Иные изъ нихъ, не имѣя возможности присутствовать здѣсь лично, прислали мнѣ выраженіе своего сочувствія и свои привѣты телеграфные и письменные... Всѣмъ имъ *многая лѣта!*

Въ заключеніе позволю себѣ высказать одно пожеланіе общаго характера.

Я сказалъ уже, что современное общество и въ частности всѣ мы, собравшіеся здѣсь, испытываемъ тоску по объединенію подъ однимъ, завѣтнымъ для насъ, знаменемъ,—подъ знаменемъ просвѣщенія въ духѣ православнаго христіанства. Пока еще довольно слабое, проявляющееся лишь частично и спорадически, такое объединеніе могло бы сослужить не малую службу въ дѣлѣ *дѣйствительнаго обновленія* нашей мысли и жизни, если бы сдѣлалось явленіемъ болѣе обычнымъ. Ибо въ единеніи, во взаимной нравственной поддержкѣ и любви, заключается громадная сила,—это старая, но вѣстѣ и вѣчно новая истина! Какъ въ мірѣ физическомъ все согрѣвается и оживляется теплотою и свѣтомъ солнечнымъ, такъ и въ мірѣ духовномъ все согрѣвается и оживляется теплотою и свѣтомъ, исходящими отъ *Солнца міра*, озаряющаго сердца и умы людей. Безъ его теплоты и свѣта, самъ умъ свѣтитъ лишь свѣтомъ тусклымъ и примрачнымъ.

Ночь смотреть тысячею глазъ,

А день глядитъ однимъ;

Но солнца вѣтъ и—по землѣ

Тѣма стелется, какъ дымъ.

Умъ смотреть тысячею глазъ,

Любовь глядитъ однимъ;

Но вѣтъ любви и—гаснетъ жизнь,

И дни плывутъ, какъ дымъ...

Ужасно это,—когда меркнетъ свѣтъ любви и будничные, сѣреніе дни плывутъ, какъ дымъ. Тогда безволіе и дряблость заглушаютъ добрыя начинанія, какъ бы рѣшительны въ отдѣльныхъ инициативахъ они ни были... Да послужатъ же наше настоящее объединеніе залогомъ и началомъ дѣятельной, не случайной и спорадической, но планомерной и постоянной, нравственной взаимоподдержки, объединяющей въ одно братство всѣхъ, шествующихъ въ направленіи къ однимъ и тѣмъ-же идеаламъ!...

По предложенію юбиляра все собраніе прошло „многая лѣта“ митрополиту Владиміру и всѣмъ его достойнымъ сподвижникамъ по управленію епархіей, Троице-Сергіевой Лаврѣ, Чудову монастырю, Академіи и ея корпораціи съ учащимися, комитету по организаціи торжества, редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“.

Преосвященный Анастасій возгласилъ многолѣтіе юбиляру, который является для всѣхъ своихъ многочисленныхъ учениковъ и почитателей мудрымъ и мужественнымъ знаменосцемъ. Дружнымъ хоромъ, едиными устами и единымъ сердцемъ, а потому и воодушевленно, прошло все собраніе „многая лѣта“.

Когда окончился рядъ привѣтствій, въ залу тѣхъ же митрополичьихъ покоевъ состоялся обѣдъ въ честь юбиляра, на которомъ было приглашено множество гостей и не мало сказано рѣчей. Преосвященнымъ Анастасіемъ приглашены были здравницы за Государя Императора, Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича, Великую Княгиню Елизавету Феодоровну и за Московскаго Церковноначальника. Затѣмъ приглашены были гости за Преосвященнаго Анастасія, за Академію, за Преосвященнаго Ректора Академіи. Цѣлый рядъ тостовъ былъ провозглашенъ за виновника торжества. Рѣчи произнесены были свящ. о. С. Д. Муретовымъ и В. А. Соколовымъ. О. В. Соколовъ сказалъ слѣдующее:

„Дорогой и любимый профессор!“

Въ тотъ юбилейный вѣнокъ, который нынѣ сплело для Васъ словесное искусство Вашихъ учениковъ и почитателей, позвольте мнѣ внести еще одинъ цвѣтокъ, сорванный мною въ свѣжемъ саду моихъ академическихъ воспоминаній.

1906-й годъ подходилъ къ концу, когда мнѣ пришлось смѣнить скромный трудъ сельскаго пастыря на серьезное занятіе высшей богословской наукой въ Академіи. По небосклону общественной жизни того времени еще бродили послѣднія тучи разсѣянной бури бывшихъ волненій. Настроеніе общества было подавленнымъ, жилось и дышалось всѣмъ вообще нелегко, а нашей Академіи въ особенности. Собралъ въ свои стѣны, какъ кокошь подъ крылья свои, молодое юношество, она превратилась въ арену страстной борьбы мнѣній относительно переживаемаго момента. Горячія, увлекающіяся головы молодежи легко могли перейти границы

дозволеннаго въ учебномъ заведеніи и нанести непоправимый вредъ уже пущенной въ ходъ учебной машинѣ.

Живо вспоминается и даже какъ бы чувствуется до сихъ поръ та щемящая боль, которую испытывали сердца всѣхъ студентовъ въ трепетномъ ожиданіи того, что день грядущій намъ готовить. Въ глубинахъ души всѣмъ хотѣлось покончить съ этой бесполезной шумихой и взяться за свое прямое дѣло—занятіе наукой. Но какъ и всегда бываетъ въ такіа переходныя времена, не хватало твердой воли перейти отъ словъ къ дѣлу. Озирались кругомъ и искали вдохвляющаго примѣра. Безконечно дороги въ ту пору были въ Академіи лица, которыя являли въ себѣ образъ мужественнаго исповѣданія своего credo и тѣмъ вселяли въ колеблющихся рѣшимость стойко защищать свои позиціи. Однимъ изъ такихъ лицъ были Вы, дорогой нашъ учитель, и были таковымъ по преимуществу.

Неустанно и неустрашимо высказывали Вы и ex cathedra въ лекціяхъ и печатно въ публицистическихъ статьяхъ свое осужденіе тѣмъ, которые сѣяли смуту, возбуждали противъ всѣхъ и всего недовольство, грозили разрушеніемъ наладившагося порядка. Вы не порицали и не отрицали значенія народившагося въ обществѣ движенія къ раскрыщенію человѣческой личности, къ высвобожденію людей изъ тѣхъ путъ, которыя стѣсняли иногда свободное развитіе человѣческой жизни. Нѣтъ, нѣтъ! Вамъ принадлежитъ честь разумной оцѣнки наличной дѣйствительности съ точки зрѣнія религіозно философскихъ принциповъ. Вы безбоязненно выступали вездѣ съ авторитетнымъ разъясненіемъ затасканныхъ и запутанныхъ въ общественномъ мнѣніи понятій о свободѣ, о прогрессѣ и проч., предлагали свои строго продуманныя указанія средствъ къ выходу изъ создавашагося тяжелаго положенія. Ваши здравыя рѣчи успокоительно дѣйствовали на взбаламученное море мысли и жизни и мало по малу подготавливали благополучную развязку назрѣвшаго кризиса.

Нынѣ въ день вашего юбилейнаго чествованія грѣшно было бы не вспомнить объ этой высокой вашей заслугѣ для русскаго общества и особенно для Академіи въ тѣ тревожныя дни, объ этомъ твердомъ, непоколебимомъ стояніи на стѣтственномъ посту духовнаго вождя. Люди узнаются въ критическія минуты. Не тотъ кормчій достоинъ похвалы, который проплылъ благополучно чрезъ спокойное море при тихой погодѣ,

но тотъ, кто въ бурю и грозу искусно и успѣшно проводитъ корабль въ безопасную пристань. Именно такимъ опытнымъ кормчимъ и умѣлымъ руководителемъ людей къ ихъ настоящей цѣли. Вы являлись и въ былое время и донинѣ являетесь какъ въ узкихъ стѣнахъ Академіи, такъ и на широкомъ просторѣ русскаго общества.

И дай Богъ, чтобы еще многіе годы, продолжалась Ваша плодотворная дѣятельность къ чести богословской науки, во славу Св. Церкви и во благо нашего дорогого отечества“.

Глубокое впечатлѣніе произвела на всѣхъ присутствующихъ рѣчь протоіерея В. Θ. Соболева, который говорилъ о томъ, какъ непоколебимо и всегда неизмѣнно юбиляръ стоялъ за русскіе государственныя устои.

Оглашенъ былъ также длинный рядъ полученныхъ въ этотъ день юбиляромъ телеграммъ отъ учениковъ и почитателей, разбѣянныхъ по всей Руси великой.

Въ концѣ трапезы Преосв. Анастасій прочиталъ привѣтственное письмо матери юбиляра, престарѣлой семидесятишестилѣтней вдовы-матушки. По приглашенію Преосвященнаго единодушно было прошеото ей многолѣтіе.

Задушевная трапеза, на которой вокругъ любимаго учителя объединилось до 60 его учениковъ и почитателей, окончилась въ исходѣ пятаго часа дня.

20-го сентября, возвратившись изъ Коломны, Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Владиміръ лично посѣтилъ юбиляра на его квартирѣ и благословилъ его иконой Св. Троицы въ серебряной вызолоченой ризѣ.

Личное же поздравленіе получилъ юбиляръ отъ г. Московскаго Губернатора, свиты Его Величества генералъ-майора В. Θ. Джушковскаго, и Попечителя Московскаго учебнаго округа д. с. с. А. А. Тихомірова, который посѣтилъ юбиляра на его квартирѣ.

Насталъ, наконецъ, и тотъ день, когда и Академія могла воздать должную дань хвалы и почтенія своему славному сочлену, который потрудился, не покладая рукъ, въ теченіе цѣлой четверти вѣка на славу и пользу родной Академіи. Уже московское торжество показало, какой любовью пользовался юбиляръ у своихъ учениковъ во все время своего служенія. Академическое чествованіе Алексея Ивановича состоялось 22 января 1912 года. Въ этотъ день академиче-

ская семья собралась прежде всего на молитву въ академическій храмъ. Въ чествованіи приняли участіе почетные члены Академіи, заслуженные ординарные профессора Г. А. Воскресенскій и М. Д. Муретовъ, ординарные профф. С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и С. И. Соболевскій, экстраординарные профф. свящ. о. Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, свящ. о. Д. В. Рождественскій, свящ. о. В. Н. Страховъ, доценты—О. М. Россейкинъ, свящ. о. П. А. Флоренскій, Н. Д. Кузнецовъ, А. М. Туберовскій, В. Ш. Виноградовъ, В. А. Троицкій, лекторъ фран. яз. А. К. Мишинъ, лекторъ англ. яз. свящ. о. Н. А. Преображенскій, секретарь Совѣта Н. Д. Всѣхсвятскій, его помощникъ Н. Г. Шафрановъ, бібліотекаръ К. М. Поповъ, его помощникъ о. іером. Игнатій, помощники инспектора о. іером. Николай и К. Вл. Владиславлевъ (нынѣ Московскій священникъ), врачъ Академіи А. Вл. Тавицъ, экономъ Академіи Л. С. Ряшенцевъ, профессорскіе степендіаты о. іером. Паштелеимонъ и А. А. Сперанскій. Присутствовали также почетный блюститель Академіи по хозяйственной части В. Д. Поповъ. Послѣ литургіи отслуженъ былъ молебенъ Святителю Алексію. Богослуженіе совершалъ Преосвящ. Ректоръ Академіи Епископъ Феодоръ въ сослуженіи о. Намѣтника Троице-Сергіевой Лавры архим. Товін, ректора Виѣанской дух. семинаріи архим. Филиппа, синодальнаго ризничаго архим. Димитрія. Кромѣ того, въ служеніи приняли участіе члены академической корпораціи священники, экстраординарные профессора о. Е. А. Воронцовъ и о. В. Н. Страховъ и доцентъ о. П. А. Флоренскій, братъ юбиляра московскій священникъ о. О. І. Введенскій и ученики юбиляра, прѣбывшіе не только изъ Москвы, но и изъ другихъ мѣстъ—Кіевскій епархіальный миссіонеръ о. іеромонахъ Филиппъ, о. Г. И. Доброправовъ, о. А. Изв. Рождественскій и др. Передъ началомъ молебна Преосвященнымъ Феодоромъ сказано было слѣдующее слово:

„Сегодня наша академическая семья предположила въ единеніи благодарныхъ чувствъ предстать молитвенно предъ лице Господа Своего о имени одного изъ старѣйшихъ нашихъ братьевъ. Христіанское сознаніе обязано усматривать и отмѣчать во всѣхъ явленіяхъ и событіяхъ жизни, малыхъ и великихъ, нѣчто большее того, что усматриваетъ въ нихъ обычное мірское пониманіе и обычная человѣческая оцѣнка.

Послѣдняя оцѣниваетъ всѣ событія и явленія жизни по своему роду и способу, утверждая въ нихъ то ихъ значеніе и смыслъ, какое они имѣютъ въ оборотѣ только наличной жизни.

Христіанское сознаніе должно возводить всякое явленіе и событіе къ нравственному міропорядку жизни и отмѣчать въ нихъ то, что имѣло бы цѣнность и значеніе въ частой духовной сферѣ релігіозной христіанской жизни.

Такъ и этотъ знаменательный для нашего собрата день долженъ имѣть въ нашемъ христіанскомъ сознаніи вѣчто большее того, что можетъ или что обычно отмѣчаетъ въ немъ наше общежитейское сознаніе.

Житейское сознаніе въ лицѣ тѣхъ, кто имѣетъ право оцѣнивать заслуги и труды людей разнаго положенія и на разныхъ поприщахъ церковно-государственной жизни, утверждаетъ право за честно потрудившимся извѣстный срокъ лѣтъ имѣть уже свободу отъ этихъ трудовъ и спокойно пожнать плоды этихъ трудовъ. Такъ утверждается цѣнность труда въ обиходѣ жизни, утверждается и право у трудившагося съ спокойной совѣстью сознавать долгъ своей жизни исполненнымъ.

Такъ, скажемъ далѣе, дается право и возможность всякому труженнику утвердиться въ сознаніи цѣнности себя самого и своей личности въ обиходѣ наличной жизни.

То же житейское сознаніе въ близкой намъ и нашему юбиляру области дѣятельности—научной области—конечно, тоже должно утверждать цѣнность его труда въ этой области. И здѣсь такимъ образомъ опять дается право и возможность утвердиться въ признаніи себя и цѣнности своей личности въ извѣстной области жизни.

И конечно, если бы наша оцѣнка трудовъ возводилась только къ этимъ началамъ, а сознаніе самого трудившагося утверждалось только на этомъ сознаніи своей личной цѣнности, ничего бы чистаго и высокаго въ христіанскомъ смыслѣ слова, ничего бы общаго съ духовно-нравственной релігіозной сферой жизни здѣсь и нельзя было-бы усматривать.

Вѣдь въ христіанскомъ нравственномъ сознаніи всякое самоутвержденіе есть уже не возвышеніе, а паденіе и омраченіе духовнаго свѣта, которымъ можетъ сіять каждая христіанская личность.

Вотъ почему и нынѣ, когда нашъ почтенный труженникъ-собратье смиренно преклоняетъ колѣна предъ Господомъ своимъ, открывается иная сфера и подвигъ его жизни осіявается инымъ высшимъ свѣтомъ: свѣтомъ самоотреченія, духомъ того нравственнаго величія, о которомъ говорилъ Спаситель ученикамъ Своимъ: „егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмь“...

Нельзя же вѣдь искренно преклонять колѣна предъ Господомъ и благодарить Его за трудъ свой, не признавая въ то же время, что Онъ же и виновникъ того добраго, что сдѣлано, что Ему приносится талантъ жизни, умноженный и воздѣланный, и приносится какъ должное Владыкѣ своему. Равно и мы, теперь молящіеся благодарно, этимъ самымъ свидѣтельствуемъ высшую связь всякаго добраго явленія въ нашей жизни съ Божественнымъ усмотреніемъ о насъ-же. Мы говоримъ, что то доброе и цѣнное въ нашей жизни, что мы получили отъ трудовъ нашего собрата, есть даръ намъ Божій и этотъ даръ мы тоже возводимъ туда, куда его возводитъ и нашъ юбиляръ.

Вотъ, братіе, думается та единая почва, та единая нравственная связь, которая должна насъ объединить нынѣ съ нашимъ собратомъ и должна дѣлать нашъ нынѣшній праздникъ пріемлемымъ и въ христіанскомъ сознаніи.

Кажется вѣдь и юбилейные дни у древнихъ имѣли тотъ смыслъ, чтобы давать возможность проявленія нравственнаго чувства и будить ихъ религіозную совѣсть. Въ этомъ же сознаніи наличности нравственно высокаго и добраго въ нашемъ нынѣшнемъ семейномъ торжествѣ стараемся, чтобы молитва наша была *единодушна*, какъ одна наша семья и наше академическое братство, чтобы она была *горяча*, дабы она была дѣйствозна и сильна соединить насъ и оживить, пусть будетъ она и *дерзновенна*, ибо мы увѣрены, что по роду жизни и дѣятельности нашего собрата мы можемъ *непостыдно* предстать предъ лице Господа своего“.

Послѣ молебна и обычныхъ многолѣтій возглашено было особое многолѣтіе юбиляру.

По окончаніи молебна корпорація академическихъ профессоровъ, во главѣ съ Преосвященнымъ Ректоромъ, и студенты Академіи перешли въ академическій актовъ залъ, гдѣ послѣ молитвы и состоялось чествованіе. Сводчатый залъ

стариннаго академическаго зданія навѣваль особія мысли. Невольно казалось, что старая, почти столѣтняя Академія смотритъ на все совершающееся и благословляетъ юбиляра, который всегда былъ вѣренъ вѣковымъ завѣтамъ Московской Академіи и не постыдилъ ея славнаго имени за четверть вѣка своего усерднаго служенія Церкви и наукъ.

Отъ лица профессорской корпораціи было сказано прежде всего привѣтствіе профессоромъ С. С. Глаголевымъ, который обратился къ юбиляру со слѣдующей рѣчью:

„Глубокочтимый Алексѣй Ивановичъ!

Празднованіе 25-лѣтія Вашего плодотворнаго служенія наукъ и литературѣ является преддверіемъ имѣющаго быть вскорѣ празднованія столѣтія Московской Духовной Академіи. Въ теченіе почти ста лѣтъ три лица занимали кафедру философіи въ Академіи—**Θ. А. Голубинскій, В. Д. Кудрявцевъ и Вы, дорогой Алексѣй Ивановичъ.** Талантами этихъ трехъ лицъ, давшихъ намъ книги „Премудрость и благость Божія“, „Религія, ея сущность и происхожденіе“, „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и оснoванія“, трудами этихъ лицъ въ Россіи создалась школа теистической философіи. На Руси, какъ и вездѣ, имѣются философы самыхъ различныхъ направленій, но немного теперь имѣется мѣсть на земномъ шарѣ, гдѣ бы существовали философскія школы. Московская Академія—одно изъ такихъ счастливыхъ мѣсть. Я сравнилъ бы ее съ существовавшей нѣкогда школой Сен. Виктора въ Парижѣ. Въ католическихъ школахъ запада теперь преподается философія **Θмы Аквинскаго.** Я высоко цѣню этого великаго мыслителя, блестяще суммировавшаго въ своей короткой жизни то, что было сдѣлано философіей до него, и освѣтившаго эту философію богословскимъ свѣтомъ. Но за всѣмъ тѣмъ я не завидую западу. На Руси въ духовныхъ школахъ, я знаю, преподается философія **Голубинскаго, Кудрявцева и Введенскаго,** она даетъ то единое, которое нужно на потребу. Она представляется мнѣ той лѣстницей, которую **Іаковъ** видѣлъ во снѣ, лѣстницей, которая ведетъ отъ земли къ небу. Академическая философская аудиторія,—аудиторія **Алексѣя Ивановича,** это—притворъ, ведущій въ храмъ.

Гейне въ предисловіи къ изданію своихъ пѣсенъ писалъ: „когда я писалъ эти пѣсни, я чувствовалъ надъ собою какъ бы трепетанье крыльевъ птицы. Когда я сказалъ объ этомъ.

моимъ друзьямъ, берлинскимъ молодымъ поэтамъ, они взглянули на меня съ очень страннымъ выраженіемъ лица и единогласно увѣрили, что съ ними не случалось ничего подобнаго“. Я болѣе счастливъ, чѣмъ Гейне. Когда я читалъ и перечитывалъ Ваши книги, дорогой А. И.—Вѣра въ Бога, Философія въ современной Германіи и Франціи, Религіозное сознаніе язычества,—когда я читалъ и перечитывалъ эти книги, я чувствовалъ надъ собою какъ бы трепетаніе крыльевъ птицъ. Когда я говорилъ объ этомъ моимъ друзьямъ—юнымъ профессорамъ и питомцамъ Академіи, они единогласно увѣрили меня, что испытывали тоже самое трепетанье крыльевъ птицъ! Вы поднимали и поднимаете насъ отъ земли къ небу.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ я въ одно изъ моихъ странствованій вѣхалъ въ вагонѣ съ нѣмцами изъ Кенигсберга. Для человѣка моей профессіи говорить о Кенигсбергѣ значить говорить о Кантѣ. Нѣмцы сказали мнѣ, что ихъ городъ зовутъ die Stadt der reinen Vernunft—городомъ чистаго разума. Да, кенигсбергцы имѣютъ право на это имя. Но думается мнѣ, и Сергіевъ посадъ должно назвать городомъ вѣрующаго разума. Здѣсь въ тиши студенческихъ и профессорскихъ келлій работаетъ разумъ, водимый вѣрою. И Вы, Ал. Ив., теперь являетесь вождемъ, управляющимъ этою работою.

Вчера у насъ были англійскіе гости. Одна англичанка спросила у меня: какъ давно существуетъ нашъ монастырь? Я сказалъ: нѣсколько болѣе 500 лѣтъ. Оксфордъ и Кембриджъ насчитываютъ большее число столѣтій. Но пусть! Мы живемъ и надѣемся жить въ будущемъ. Пока въ Академіи есть Введенскіе, она будетъ расти, а не малиться.

Vivat Academia, Vivat Wwedensky!“

Велѣдъ за этимъ привѣтствіемъ Преосвященный Ректоръ благословилъ юбиляра отъ лица академической корпораціи ивниной иконой преп. Сергія, въ художественномъ серебряномъ окладѣ, съ надписью: „*Глубокоуважаемому А. И. Введенскому—академическіе сослуживцы, высоко цѣнящіе его плодотворное 25-лѣтнее служеніе Московской Духовной Академіи и наукѣ*“.

Второе привѣтствіе отъ профессоровъ сказалъ доцентъ по кафедрѣ исторіи философіи, священникъ о. П. А. Флоренскій, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Глубокочтнмый Алексѣй Ивановичъ!“

Мнѣ, какъ Вашему ученику и младшему сотруднику въ преподаваніи философіи, достается честь сказать Вамъ второе привѣтственное слово. Это многочисленное собраніе, эта праздничная обстановка естественно настраиваютъ на рѣчь важную, на слово панегирическое. Но простите мнѣ, не при-
выкшему къ подобнымъ торжествамъ и теряющемуся въ большомъ обществѣ, простите, что я уклонюсь отъ тона приличествующаго дню и скажу Вамъ свое скромное привѣтствіе такъ, какъ если бы говорилъ Вамъ съ глазу на глазъ. Сергѣй Сергѣевичъ обращался къ Вамъ отъ лица корпораціи; пусть же это слово будетъ какъ бы отъ того свѣтскаго общества, изъ котораго я вышелъ. Вѣдь всякій, кому пришлось бы воспринять отъ Васъ то, что дали Вы мнѣ, — чувствовалъ бы къ Вамъ, конечно, благодарность не меньшую.

Вотъ какъ, около 12-ти лѣтъ тому назадъ, воспринялъ я первый толчокъ отъ Васъ. Это было вскорѣ послѣ окончанія гимназіи. Духовная школа была для меня почти мѣломъ. Конечно, я считалъ „духовное училище“ за понятіе родовое для различныхъ школъ, и, конечно, церковно-приходская школа лишь смутно различалась отъ семинаріи. Что жъ до Академіи, то она, очень туманно, рисовалась какъ что-то, вродѣ спеціальнаго заведенія для подготовки епископовъ. Нашу же родную Московскую Духовную Академію было, конечно, весьма естественно представлять находящейся гдѣ-то въ Москвѣ. Впрочемъ, своимъ невѣжествомъ я едва ли особенно превосходилъ большинство интеллигенціи, даже московской.

Вотъ въ это-то самоувѣренное время какая-то благодѣтельная рука подсунула мнѣ Вашу книгу „Современное состояніе философіи въ Германіи и во Франціи“. Первымъ движеніемъ было отнестись къ ней пренебрежительно: можетъ ли быть что доброе изъ церковной школы? Но, начавъ читать эту книгу „для очистки совѣсти“, съ первыхъ же страницъ я не могъ не увидать, что имѣю дѣло съ мыслителемъ тонкаго анализа и съ писателемъ литературнаго дарованія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ опредѣленнѣе впечатлѣніе отъ автора и тѣмъ ярче первая идея, воспринятая отъ него и черезъ него: а именно, что можетъ быть, должна быть и есть церковная школа. Церковная школа можетъ быть, должна быть и есть вели-

чина самостоятельная; это—не неудачный сколокъ школы свѣтской,—какою ранѣе представлялась мнѣ она—, нѣтъ. Это—особый типъ школы,—тотъ самый, который мнѣ нуженъ, тотъ самый, который мечтался мнѣ, когда сознание угнеталось недостатками школы свѣтской. Защищаемая и развиваемая Вами во всѣхъ слояхъ Вашей дѣятельности,—и въ учебныхъ трудахъ, и въ общедоступныхъ статьяхъ, и въ частномъ разговорѣ и въ лекціяхъ,—эта идея церковной школы сразу стала мнѣ родною, и вызвала вопросъ: что же служить содержаніемъ церковной школы?—Церковная наука—вотъ отвѣтъ, даваемый Вами. Эту идею, вторую воспринятую отъ Васъ, Вы раскрывали обществу всѣми средствами, находившимися въ Вашихъ рукахъ. Въ Вашихъ трудахъ всегда чувствовалось, что они на что-то опираются и къ чему-то ведутъ. Какъ бы указательные персты тянулись со страницъ Вашихъ книгъ къ чему-то. Это „что-то“ была церковность, и наука, которую Вы давали,—имѣла свою задачу быть наукою церковною. Но, говоря „церковная наука“, нельзя не отмѣтить того, единственно правильнаго, пониманія ея, которое можно было почерпнуть отъ Васъ: не тѣмъ наука дѣлается церковною, что разсуждаетъ о нѣкоторыхъ специальныхъ богословскихъ вопросахъ, а тѣмъ, что по церковному освѣщаетъ всякій предметъ, который берется изучать. Церковная наука, въ Вашемъ пониманіи,—это не наука богословскаго факультета, а цѣльное жизнепониманіе, опирающееся на начала церковности и разъясняющее и углубляющее церковность въ нашемъ сознаніи. Или, выражая ту же мысль нѣсколько иначе, можно сказать, что призывъ Вашъ былъ не къ той наукѣ, которая говоритъ, какъ міръ смотреть на Церковь, а къ той, которая учитъ, какъ Церковь смотреть на міръ и на саму себя. Величественный идеаль духовнаго опознавія всей дѣйствительности!

А непосредственно за нимъ идетъ возбуждаемый имъ вопросъ, хотя и болѣе специальный, однако для занимающагося философией не менѣе жизненный. Это—вопросъ: какъ, въ какомъ смыслѣ, при какихъ условіяхъ возможна русская философія.

Уже и ранѣе было для меня ясно, а изъ Вашихъ произведеній дѣлалось окончательно ясно, что каждый народъ въ лучшемъ своемъ, опредѣляется тѣмъ, во что онъ вѣритъ,

И потому философія каждаго народа, до глубочайшей своей сущности, есть раскрытіе вѣры народа, изъ этой вѣры исходить и къ этой же вѣрѣ устремляется. Если возможна русская философія, то только — какъ философія православная, какъ философія вѣры православной, какъ драгоценная риза изъ золота—разума—и самоцвѣтныхъ камней—приобрѣтеній опыта—на святыни православія. Эту-то идею русской философіи Вы защищали и развивали намъ, да и не только защищали, но и наглядно осуществляли въ процессъ собственнаго философствованія.

Обозрѣвая мысленно свое тройное приобрѣтеніе отъ Васъ, эти три идеи,—церковной школы, церковной науки и русской философіи—, я не могу не указать съ глубокою благодарностью, какое важное и жизненное дѣйствіе оказали онѣ на меня, какое благотворное дѣйствіе онѣ могутъ оказать на свѣтское общество, если оно захочетъ наконецъ усвоить ихъ. вмѣстѣ же съ этою благодарностью Вамъ за Вашу дѣятельность, за Вашу идейную помощь, за освобожденіе отъ многихъ предразсудковъ свѣтской школы, позвольте высказать Вамъ свое молитвенное пожеланіе—получить ту награду, которая наиболѣе дорога всякому искреннему дѣятелю, вкусить тотъ плодъ, который работнику мысли слаще всего: пусть идеи Ваши все шире и шире расходятся въ обществѣ, не только духовномъ, но и свѣтскомъ; пусть ученики Ваши проводятъ въ школахъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, то, что было дорого Вамъ и надъ чѣмъ трудились Вы 25 лѣтъ“.

Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ студентовъ. Отъ лица студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ была сказана слѣдующая рѣчь студентомъ 4-го курса В. Н. Муратовымъ:

„Глубокоуважаемый Профессоръ!

Студенчество всѣхъ четырехъ курсовъ Академіи искренно привѣтствуетъ Васъ.

Мы, конечно, не беремъ на себя смѣлость оцѣнивать Вашу для насъ дѣятельность,—дѣятельность, которой Вы посвятили двадцать пять лѣтъ лучшей поры своей жизни.

Намъ чужда всякая объективная оцѣнка Васъ. Вѣдь, мы—еще Ваши ученики, мы—еще слушаемъ Васъ, мы—переживаемъ Ваше вліяніе...

Переживанія опредѣляются ожиданіями и впечатлѣніями. Конечно, ожиданія могутъ быть и личными, но здѣсь мы,

студенты, объединены общими ожиданиями. Мы въ прошломъ—получившіе среднее богословское образованіе; мы въ будущемъ—предназначены къ развитію богословскихъ истинъ въ собственномъ разумѣ, въ личной жизни и дѣятельности общественной. Всякій, вступающій въ аудиторію этого храма науки, ждетъ отъ профессора руководства именно въ этомъ направленіи.

Вы, въ своей спеціальности, даете намъ многое, незамѣнимое...

Основную философскую проблему, проблему возможнаго синтеза естественнаго познанія и христіанской истины, Вы помогаете намъ раскрыть и рѣшить въ одной изъ лучшихъ формъ вѣрующей философіи—теистическомъ міро-и жизнепониманіи. Вы этимъ самымъ предлагаете синтезъ не механической, а органической,—динамической (Ваша проблема—„аксіология“).

Мы глубоко цѣнимъ Вашу философію.

Мы чувствуемъ, что Вы, прежде всего, слишкомъ конкретно, слишкомъ осязательно для нашихъ познавательныхъ силъ, излагаете отдѣльныя положенія Вашей философіи. Всякій разъ, когда Вы кончаете свою лекцію, мы чувствуемъ, что она какъ то вложена въ насъ, прочно воспринята нами. Но еще важнѣе, еще дороже для насъ самое содержаніе, самое рѣшеніе Вами отдѣльныхъ вопросовъ. Мы опять таки чувствуемъ, что Вы ведете насъ къ порогу вѣчной истины, вѣчаго добра и вѣчной красоты; чувствуемъ, что за Вами идти легко въ осмысливаніи христіанства и съ свѣтлой надеждой...

И нашъ долгъ, долгъ благодарныхъ учениковъ—развивать заложенные Вами духовныя сѣмена мудрости...

Въ настоящій моментъ, моментъ самъ по себѣ вѣщный, мы не можемъ не выразить Вамъ своей глубокой благодарности.

Молитвенно желаемъ, чтобы долго-долго продлилась Ваша наставническая дѣятельность на славу нашей родной Академіи.

Благоволите принять посильное подношеніе въ знакъ искренней преданности Вамъ,—сочиненія одного изъ первыхъ христіанскихъ философовъ“.

Были поднесены въ цѣнныхъ переплетахъ творенія св. Григорія Нисскаго на греческомъ языкѣ въ изданіи Migne, Pat-

rologiae cursus completus, series graeca, tt. 44—46, съ надписью: „Глубокочтимаго профессору Алексію Ивановичу Введенскому отъ признательныхъ учениковъ и потомцевъ его, студентовъ LXVII—LXX курсовъ Московской Духовной Академіи, въ двадцатипятилѣтній юбилей его ученой дѣятельности“.

Сказано было также студентомъ 1-го курса Х. Пв. Волскимъ особое привѣтствіе отъ студентовъ 1-го курса:

„Досточтимый и Глубокоуважаемый
Алексій Ивановичь!

Студенты 1-го курса, слушающіе Ваши лекціи въ нынѣшнемъ году, считаютъ долгомъ своимъ въ этомъ знаменательный для Васъ день отъ себя выразить Вамъ благодарность за тѣ познанія, которыя они получаютъ отъ Васъ, за то добродушіе и внимательность, которую Вы проявляете по отношенію къ нимъ, и—пусть отношенія между нами и Вами будутъ еще болѣе искренни и близки“.

За этими привѣтствіями профессоровъ и студентовъ послѣдовало привѣтствіе представителя сербскаго митрополита Дмитрія, настоятеля Сербскаго московскаго подворья архим. Михаила, который вручилъ юбиляру большой фотографическій портретъ митрополита съ собственноручной подписью, причемъ произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

„Ваше Превосходительство,
Высокочтимый Г. Профессоръ,
Алексій Ивановичь!

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Дмитрій, Архіепископъ Вѣлградскій и Митрополитъ Сербіи, въ письмѣ своемъ на мое имя благоизволилъ поручить мнѣ принести Вамъ, по случаю исполнявшагося 25-ти лѣтняго юбилея Вашей высоко-плодотворной профессорско-ученой дѣятельности на пользу Святой Православной Церкви, въ слѣдующихъ словахъ привѣтствіе:

„Особенно радуюсь прославленію Вашего, дорогой Алексій Ивановичь, юбилея и высоко цѣню Ваши ученые труды на пользу Святой Православной Церкви и Вашу любовь къ сербскому народу и славянамъ вообще.

Какъ Вашъ личный другъ, сердечно поздравляю и любезно привѣтствую Васъ съ знаменательнымъ въ Вашей жизни юбилейнымъ днемъ.

Молю Всевышняго, да продлитъ Онъ Вашу драгоценную

жизнь на многіе годы въ крѣпкомъ и непоколебимомъ здравіи во славу Святой Церкви и на пользу науки.

Примите же, мой дорогой другъ, въ знакъ моей искренней любви къ Вамъ мой портретъ и мое сердечное Архипастырское благословеніе“.

Счастливъ,—продолжалъ о. архимандритъ отъ себя,—что на мою долю нынѣ выпала высокая честь исполнить волю моего Высокопреосвященнѣйшаго Владыки.

Мнѣ, какъ воспитаннику Московской Духовной Академіи, весьма пріятно выразить отъ себя лично и отъ лица всѣхъ сербовъ, получившихъ образованіе въ этой Академіи, самыя сердечныя поздравленія Вамъ съ высоко-знаменательнымъ днемъ 25-ти лѣтняго юбилея Вашего славнаго служенія наукѣ, при искреннихъ пожеланіяхъ Вамъ здоровья и крѣпости свѣдѣть продолжать Вашу благотворную научную дѣятельность и со свойственною Вамъ энергіей дальше проводить высокую идею любви и объединенія славянства“.

Наконецъ, выступила депутація отъ Троице-Сергіевой Лавры, въ составѣ о. Намѣстника архим. Товія и о. іеромонаха Іоафана, поднесшая юбиляру икону „Явленіе Божіей Матери прее. Сергію“, причемъ убѣданный съдинами маститый о. Намѣстникъ сказалъ слѣдующее привѣтственное слово:

„Глубокоуважаемый Алексѣй Ивановичъ!

Находясь среди святилища науки и въ кругу ученыхъ мужей, мнѣ, простецу, слѣдовало бы ограничиться молчаніемъ. Даже сію мавуту я боролся съ мыслию, говорить ли мнѣ или молчать. Здѣсь приходили мнѣ на память слова Свягителя Васвлія Великаго въ правилахъ монахамъ: „при старѣйшихъ молчаніе, при мудрѣйшихъ вниманіе“. Но я понялъ, что эти слова относятся къ простому монаху, пришедшему сюда послушать и поучиться; мнѣ же, какъ представителю Лавры, слѣдуетъ говорить. Но да проститъ мнѣ любовь ваша за простоту слова. Мы, монахи, привыкли смотрѣть на дѣла міра сего съ своей стороны. Напримѣръ, старпы учили насъ (разумѣется они готовили насъ не на кафедрѣ, но чтобы быть монахамъ): „Ежели ты сдѣлалъ что-либо доброе для Бога или ближняго, напримѣръ, помислился усердно, попостился болѣе обычнаго, подалъ милостинку или утѣшилъ скорбящаго, то не приписывай это себѣ, а Богу. Знай, что это совершилъ Богъ, только чрезъ тебя. Поэтому благодари Бога и проси Его

не оставить тебя въ будущемъ подобною милостию“. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я усматриваю и въ Вашей трудной 25-ти лѣтней дѣятельности участіе великой благодатной силы Божіей, творящей все доброе чрезъ Васъ. Но эта благодатная сила дается не всѣмъ и каждому, а только избранникамъ Божіимъ. Самые же избранники познаются по смрвенію предъ Богомъ и людьми. А посему и въ лицѣ Вашемъ я вижу такового избранника Божія, почему и преклоняюсь предъ Вами, и молю Бога, дабы сей благодатный даръ всегда почивалъ на Васъ, и умножался бы во всю жизнь Вашу, доколѣ угодно будетъ Богу продолжать оную.

Такое привѣтствіе и благія пожеланія прошу принять не отъ меня только, но и отъ Духовнаго Собора Лавры. Члены котораго поручили мнѣ передать Вамъ такое привѣтствіе.

Но чтобы оставить въ Вашемъ сердцѣ добрыя воспоминавія о насъ,—прошу принять сію икону, освященную на мощахъ преподобнаго Сергія съ искреннимъ желаніемъ, чтобы Покровъ Божіей Матери и молитвы преподобнаго Сергія всегда укрѣпляли Васъ въ трудахъ Вашихъ во славу Божію и для пользы святой Православной Церкви“.

О. іеромонахъ Іоанафанъ, уже частнымъ образомъ, поднесъ юбиляру икону Черниговской Божіей Матери съ такой надписью: *„Профессору Московской Духовной Академіи Алексѣю Ивановичу Введенскому въ память 25-лѣтней его ученой и учебной дѣятельности отъ глубокаго почитателя іеромонаха Іоанафана“.*

Въ заключеніе секретаремъ Академіи Н. Д. Всѣхсвятскимъ прочитанъ былъ слѣдующій адресъ, присланный для поднесенія юбиляру отъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“:

„Уважаемый и дорогой для насъ

Алексѣй Ивановичь!

Московская Духовная Академія нынѣ чествуетъ Вашъ двадцатипятилѣтній подвигъ служенія наукъ и развитію здороваго мірозозерцанія молодыхъ поколѣній въ аудиторіяхъ своего храма высшаго званія. Въ этотъ торжественный день и мы, Ваши коллеги по литературѣ, Ваши друзья, читатели и почитатели, присоединяемъ къ привѣтствіямъ Академіи наши привѣтствія, поздравленія и наилучшія пожеланія.

Мы, быть можетъ, ближе всѣхъ знаемъ разнообразіе творчества Вашего таланта, порождаемое обиліемъ явленій жизни,

анализируя которыя вы всегда остаетесь философомъ, какъ въ философіи всегда остаетесь христіанномъ. Въ смѣняющихся проявленіяхъ жизни Вы всегда умѣете указать отраженіе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыхъ полный смыслъ уясняется въ высшей истинѣ вѣры. Многогранность воспріятія дала Вамъ возможность, оставаясь ученымъ, отзываться и публицистически на проявленія текущей жизни, дала мѣсто той Вашей дѣятельности, которая сдѣлала Васъ давнимъ и чтимымъ сотрудникомъ нашего изданія. Въ настоящій день, когда Московская Духовная Академія вспоминаетъ Вашу ученую дѣятельность, мы вспоминаемъ особенно отчетливо, что ученая работа Вашего разума умѣла найти себѣ блестящее отраженіе и въ публицистическихъ или популярно-философскихъ очеркахъ на колонкахъ нашей газеты.

Итакъ, съ особенной сердечностью мы привѣтствуемъ нынѣ и Васъ и Московскую Духовную Академію съ днемъ этого научнаго торжества, которое, воздавая достойное чествованіе Вамъ, въ то же время напоминаетъ Россіи и Русской Церкви о заслугахъ самой Академіи, взростившей вашу ученую силу и бывшую 25 лѣтъ ареною Вашего плодотворнаго труда. Вы и Академія нераздѣлимы въ своемъ общемъ торжествѣ.

Сердечно привѣтствуемъ истиннаго ученаго, не зарывшаго въ землю даннаго ему таланта, но всесторонне его использовавшаго на пользу учащейся молодежи, Родины и Церкви. Привѣтствуемъ Васъ и какъ дорогаго намъ сотрудника, сотоварища въ публицистическомъ трудѣ, который въ сознаніи писателей, хранившихъ истинные идеалы публицистики, неразрывно связанъ съ высочайшими истинами науки.

Отъ души шлемъ Московской Духовной Академіи наши пожеланія, чтобы Господь ей далъ еще надолго сохранить въ своихъ нѣдрахъ славнаго члена славной академической коллегіи, сѣняемой памятью Платона, объединившаго въ своемъ имени истины откровенія и истины науки.

Отъ души шлемъ Вамъ самимъ наши сердечныя пожеланія еще на много и много лѣтъ сохранить ту же неувядающую глубину мышленія, которое у истинныхъ избранныхъ таланта съ лѣтами не старѣетъ, а лишь возрастаетъ изъ силы въ силу.

Дай Богъ Московской Академіи и ея чествуемому сочлену видѣть изъ года въ годъ все больше плодовъ 25 лѣтъ ста-

рательно и умѣло застѣваемого поля, на которомъ возрастаетъ умъ и сознательность молодыхъ питомцевъ Академіи.

Да здравствуетъ же на многія лѣта достойный продолжатель лучшихъ научно богословскихъ традицій, прославившихъ Московскую Духовную Академію и всегда выносившихъ ее съ новыми силами изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній“.

Л. Тихомировъ.

А. Нольде. Л. Вороновъ. В. Васнецовъ. А. Тихомировъ. А. Корниловъ. А. Александровъ. Ѡ. Преображенскій. Дим. Языковъ. Колесниковъ. Пасхаловъ. В. Истоминъ. Прот. І. Фудель. М. Лукинъ, Прот. І. Восторговъ. Ф. Степановъ. Протоіерей І. Соловьевъ.

Когда кончился рядъ привѣтствій, на каждое изъ которыхъ юбиляръ отвѣчалъ краткой благодарностью, Алексѣй Ивановичъ, низко поклонившись всѣмъ собравшимся, произнесъ общую отвѣтную рѣчь:

„Ваше Пресвященство,
высокоуважаемые сослуживцы, дорогие гости и вы, учащаяся молодежь!

Поклонъ низкій всѣмъ вамъ и благодарность глубокая. Вашъ привѣтъ, по случаю моего служебнаго праздника, до конца дней моихъ останется для меня дорогимъ воспоминаніемъ, а ваши приношенія, цѣнныя не только по значенію, но и вещественно, всегда будутъ все снова и снова вызывать въ моей душѣ трогательныя переживанія нынѣшняго дня.

Признаюсь,—я нѣсколько колебался, принять ли мнѣ это празднество: колебанія происходили изъ разныхъ источниковъ, о которыхъ неумѣстно было бы распространяться здѣсь... Но затѣмъ я рѣшилъ, что, если въ тяжелыя времена академической и моей личной жизни, среди ожиданія всякихъ случайностей, я все-таки шелъ на зовъ и вступалъ въ стѣны Академіи съ открытою грудью, то почему же я не пойду теперь, когда меня приглашаютъ на *праздникъ*,— приглашаютъ люди, проникнутые доброю благожелательностью?..

И вотъ я пришелъ на вашъ дружественный призывъ и стою предъ вами. Стою благодарный, но—вмѣстѣ и смущенный.

Двадцатипятилѣтній періодъ служенія, говоря безотносительно, конечно, не великій періодъ. Но не напрасно, съ другой стороны, принято отмѣчать этотъ терминъ жизни.

Опытъ говорить, что до этого предѣла человѣкъ обыкновенно идетъ въ гору, но потомъ начинается уже склоненіе подъ гору, къ закату. Исключенія бываютъ, но они сравнительно рѣдки. Обыкновенно же сначала юбилей, а потомъ и... некрологъ... Тѣмъ не менѣе, между юбилеемъ и некрологомъ все-таки есть нѣкоторая разница. Пока человѣкъ *предстоитъ*, а не *предлежитъ*, онъ можетъ, если чувствуетъ въ томъ потребность, кое-въ чемъ оправдываться. И я именно какъ разъ чувствую теперь эту потребность. А потому мое краткое слово будетъ словомъ *защитительнымъ*. Я не хочу сказать красивую рѣчь, но хочу сказать рѣчь безусловно искреннюю, ибо служебный юбилей, съ моей точки зрѣнія, есть день *пересмотра пережитаго*.

Обо мнѣ говорятъ многое и разное,—я это знаю. Всего чаще направляють противъ меня укоризны въ недостаткѣ прогрессивности, а можетъ быть, и въ полномъ ея отсутствіи.

Скажу на это, что признаю эту укоризну недоразумѣніемъ и притомъ въ значительной части—чисто *философскимъ* недоразумѣніемъ.

Прогрессъ, въ обычномъ пониманіи этого слова, не есть законъ, а потому и нарушить его,—этотъ мнимый законъ,—нельзя. Всѣ мы въ сущности прогрессисты, потому что ни минуты не стоимъ на мѣстѣ, но постоянно движемся и, такъ какъ мы не принадлежимъ къ породѣ тѣхъ существъ, которыя обречены отъ природы двигаться назадъ, то мы движемся *неизбѣжно* впередъ. Но движемся ли мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ лучшему?—вотъ это вопросъ. Двигаясь *неизбѣжно* впередъ, мы можемъ двигаться и къ лучшему, и къ худшему, т. е. идти или въ линіи *истиннаго* прогресса, или прогресса *мнимаго*, условнаго, спорнаго, а часто даже и предосудительнаго.

Жизнь—личная и общественная,—подчинена *неизбѣжному* аналитическому процессу: она всегда разслагается и дробится. Она есть „непрестанный потокъ“, какъ сказалъ еще одинъ изъ древнихъ мудрецовъ. Конечно, слѣдить за этимъ процессомъ,—слѣдить за тѣмъ, что этотъ вѣчно бурлящій потокъ жизни несетъ на своемъ хребтѣ,—не только интересно, но иногда и полезно. Однако, гораздо важнѣе при этомъ умѣть стать *надъ потокомъ*. А это возможно лишь въ томъ

случаѣ, если мы утвердимъ лицо свое, свою мысль и свои рѣшимости на твердыхъ принципахъ; если аналитическое разсмотрѣніе жизни, какъ говоримъ мы, философы, восполнимъ синтетическимъ, при условіи самостоятельнаго отчетливо-критическаго отношенія къ жизни, съ ея измѣненіями.

Въ частности, намъ, питомцамъ этой школы, такое двоякое отношеніе къ процессу жизни особенно необходимо, потому что начала и живые принципы *нашей* мысли лежатъ въ прошломъ, длящемся и долженствующимъ, по заповѣди Спасителя, длиться до скончанія вѣка. или, говоря точнѣе, наши начала и принципы лежатъ въ самой вѣчности. Сумѣть подняться на эту точку зрѣнія,—это и значитъ смотрѣть на жизнь подъ аспектомъ вѣчности, *sub specie aeternitatis*, то-есть философски. Съ этой точки зрѣнія понятія прогрессивности и отсталости неизбежно должны претерпѣть существенное измѣненіе.

Увы!—очерченная мною точка зрѣнія необычна среди людей. И потому, кто поднялся на нее, тотъ неизбежно страдаетъ и часто преждевременно сгораетъ. Онъ страдаетъ и сгораетъ именно потому, что, съ одной стороны, при свѣтѣ вѣчности, постоянно, и часто со всею остротою, чувствуетъ неудовлетворенность собою, а съ другой потому, что среди другихъ людей, людей обычнаго сознанія, чувствуетъ себя одинокимъ,—какъ трезвый среди пьяныхъ или, если имъ угодно, какъ опьяненный болѣе глубокими прозрѣніями въ истоки жизни среди трезвыхъ,—и постоянно навлекаетъ, поэтому, съ ихъ стороны укоризны и осужденіе въ „отсталости“. Въ этомъ трагика философскаго разсмотрѣнія жизни, которая знакома многимъ, усвоившимъ эту точку зрѣнія. Имъ суждено яснѣе, чѣмъ другимъ, видѣть горькую сторону міра и жизни. Но при этомъ, и даже, пожалуй, именно по этому самому, имъ остается, по крайней мѣрѣ, одно неотъемлемое утѣшеніе: испивая чашу горестей жизни, они ощущаютъ на днѣ ея цѣлительную сладость...

Смѣю думать, что мнѣ знакома эта трагика философскаго сознанія и что страдая въ своей жизни,—страдаю много, и при томъ не столько отъ укоризнъ въ „недостаткѣ прогрессивности“, которыя меня мало въ сущности смущали, сколько отъ сознанія несоотвѣтствія своихъ намѣреній и дѣяній съ открывавшимися мнѣ *sub specie aeternitatis* задачами,—

я въ то же время находилъ. въ этихъ страданіяхъ и нѣкоторое утѣшеніе.

Я могъ-бы передать это сложное настроеніе словами нашего поэта философа, Вл. С. Соловьева, который, при всей серьезности своего отношенія къ задачамъ жизни, умѣлъ иногда говорить о вопросахъ этого рода съ чувствомъ спокойной и какой-то какъ-бы даже благодушной резиньяціи,—

Скоро, скоро, другъ мой милый,

Буду выпущенъ въ тиражъ,

И возьму съ собой въ могилу

Не блистательный багажъ...

Много дряни за душою

Я имѣлъ на сей землѣ

И съ безпечностью большою

Былъ нетвердъ въ добрѣ и злѣ.

Я въ себѣ подобье Божье

Непрерывно оскорблялъ...

Но... съ общественною ложью

Въ блудъ преступный не вступалъ...

Нѣтъ, не вступалъ,—думаю, что смѣю это сказать и я. И потому, когда мнѣ бросаютъ упрекъ въ недостатокъ прогрессивности, мнѣ хочется встрѣтить этотъ упрекъ вопросомъ: „а что есть истинный прогрессъ“?... И кто въ васъ безъ грѣха противъ требованій истиннаго прогресса, чтобы первому бросить въ меня камень осужденія?... Если таковыя найдутся, пусть бросаютъ: я буду стоять спокойно. Но я боюсь, чтобы эти камни не пали на ихъ собственные головы...

Меня упрекаютъ, во-вторыхъ—въ томъ, что, состоя преподавателемъ философіи, я вмѣстѣ съ тѣмъ занимаюсь и литературой, принимаю участіе въ періодическихъ изданіяхъ, „раздѣляюсь“ и „расходуюсь“... Признаюсь, *по существу* я никогда не видѣлъ въ этомъ чего-либо дурного, хотя и чувствовалъ себя иногда, вслѣдствіе обилія работы, утомленнымъ. Но если въ чьихъ-либо глазахъ, это съ моей стороны все таки есть „преступленіе“, то позвольте объяснить, какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло мое выступленіе на поприще философско-литературной критики.

Я вынужденъ говорить объ этомъ *переломъ* въ моей жизни прикровенно. Но многіе въ здѣсь присутствующихъ легко поймутъ въ чемъ дѣло, а другіе поймутъ потомъ.

Есть сказка, простая и всёми известная, но не лишенная поучительности. Иванъ Царевичъ или, по другой, болѣе стильной верси, Иванъ Дурачокъ долго ѣхалъ на своемъ ретивомъ конѣ все впередъ и впередъ. Но вотъ онъ очутился на перекресткѣ. Предъ нимъ столбъ, а на столбѣ надпись: „Сюда поѣдешь—коня потеряешь; сюда поѣдешь—себя потеряешь“... Долго думалъ Иванушка, какъ быть и наконецъ надумалъ: онъ свернулъ съ дороги и... оказался въ умникахъ, то-есть и себя соблюлъ и своего коня...

Нѣчто подобное случилось и со мной. Десять первыхъ лѣтъ моей службы въ Академіи, —десять лучшихъ и, можетъ-быть, наиболѣе продуктивныхъ лѣтъ, — я посвящалъ свои силы исключительно Академіи и наукѣ, преподаваніе которой, — сначала исторіи философіи, а потомъ метафизики, впоследствии переименованной въ систематическую философію, — было на меня возложено. Но вотъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, поднялся въ стѣнахъ Академіи какъ-бы какой то вихрь. И я тоже внезапно очутился, подобно Иванушкѣ Дурачку, предъ перекресткомъ и столбомъ на немъ съ надписями: „Сюда поѣдешь—коня потеряешь; сюда поѣдешь—себя потеряешь“... Коня своего, то-есть свой разумъ и свою работоспособность, я терять не хотѣлъ. Себя-же самого терять я хотѣлъ еще менѣе. Что-же мнѣ оставалось дѣлать?.. Одно: свернуть съ дороги и поѣхать въ обходъ, чтобы, хотя бы и окольнымъ путемъ, пріѣхать къ известной цѣли, къ *истинѣ жизни*. Это я и сдѣлалъ. Я слегка перемѣстилъ центръ своей жизни и дѣятельности. Я рѣшилъ заняться, кромѣ философіи, еще и литературой и, благодаря добрымъ людямъ, скоро нашелъ благожелательный пріемъ и свободное поприще для applicaціи своихъ силъ, —главнымъ образомъ на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Сначала я повиновался при этомъ лишь чувству самосохраненія и стимуломъ моимъ была почти лишь борьба за тяжелое существованіе. Но потомъ я привязался къ дѣлу, полюбилъ его и оно сдѣлалось для меня такою же необходимостью, какъ и занятіе философіей. Я внимательно слѣдилъ, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, за движеніемъ нашей науки и литературы и, по мѣрѣ умѣнія и силъ, отзывался на всѣ, болѣе или менѣе крупныя, явленія въ этихъ областяхъ. И я не чувствовалъ при этомъ никакого внутренняго

разлада, такъ какъ, вѣдь, и по существу между наукою, литературой и философіей много общаго. Когда я приходилъ изъ тихихъ стѣнъ Академіи туда,—въ сферу широкой, подвижной и непрестанно волнующейся жизни,—я приносилъ съ собою то, чему учился и училъ въ Академіи, то-есть философію, которую всегда полагалъ въ основу своихъ популярно-научныхъ и литературно-критическихъ статей, что считаю, особенно въ настоящее время, дѣломъ крайне важнымъ и важнымъ. А когда приходилъ оттуда сюда, приносилъ съ собою то, чему учился тамъ, чему меня учила литература и жизнь, съ ея суровыми требованіями, строгими запросами къ мысли и капризною измѣнчивостью. Смѣю думать, что отъ этого для обѣихъ дѣлъ была только польза... И нынѣ я имѣю утѣшеніе слышать, что многими, какъ свидѣтельствуегь прочитанный здѣсь адресъ отъ *Московскихъ Вѣдомостей* и объединяющихся около нихъ „друзей и почитателей“, мое скромное сотрудничество въ этомъ изданіи признано полезнымъ, а въ моемъ портфель, — добавлю, — хранится множество доказательствъ того, что у меня были постоянные, внимательные и даже иногда весьма признательные, читатели.

Мнѣ могутъ сказать: „но вы все-таки сдѣлали бы больше для философіи, еслибы занимались исключительно ею“. Можетъ быть и даже очень вѣроятно. Но было-ли бы отъ этого лучше?—это еще вопросъ. Не всѣ рождаются Кантами. А разъ человѣкъ не родился Кантомъ, ему прежде всего необходимо внимательно разсмотрѣть и взвѣсить, къ чему онъ собственно пригоденъ по своимъ природнымъ силамъ и тяготѣніямъ, чтобы найти сферу примѣненія своихъ силъ. Позволяю себѣ думать, что область литературы не есть чуждая для меня,—при моихъ природныхъ умственныхъ предрасположеніяхъ,—область. А когда изъ многого написаннаго мнѣ удастся издать хотя бы немногое, чѣмъ я лично болѣе доволенъ, тогда, можетъ-быть, въ этомъ согласятся со мной и другіе.

Но вы, отцы и братіе, снисходительнѣе ко мнѣ. Не ожидая отъ меня новыхъ книгъ, вы уже и къ тѣмъ, которыя доселѣ мною изданы, относитесь со снисхожденіемъ и трогющимъ меня признаніемъ ихъ цѣнности. Глубоко благодаренъ вамъ за это... Конечно, не мнѣ судить о томъ, хорошъ ли и плодоносенъ ли былъ трудъ протекшей моей жизни.

учено-литературный и преподавательскій. Но одно позволю себѣ сказать. Гдѣ бы я ни былъ и что бы я ни дѣлалъ, я всегда бросалъ тоскливые взоры въ стѣны Академіи, всегда жилъ, и болѣе всего и прежде всего, ея интересами. Каждая моя лекція,—надѣюсь, что предстоящіе здѣсь мои слушатели засвидѣтельствуютъ это,—была для меня событіемъ, всякій разъ новымъ переживаніемъ. Къ Академіи же, ея горестямъ и радостямъ, къ ея завѣтамъ и идеаламъ, я относился такъ же, какъ, вѣроятно, относится и каждый изъ насъ, ея преподавателей. Мы, маленькіе, собравшіеся здѣсь, могли бы, мнѣ кажется, выразить свое желательное отношеніе къ Академіи, словами Великаго, соотвѣтственно видоизмѣнивъ ихъ: „А обо мнѣ не думайте,—жива бы была только Академія!“ Академія же будетъ жить, расти и процвѣтать лишь въ томъ случаѣ, если, отложивъ въ сторону свои маленькіе счеты, мы всѣ объединимся въ единомышленномъ служеніи ея высокимъ завѣтамъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какія страшныя волны поднимаются со всѣхъ сторонъ около стѣнъ нашего скромнаго бастиона богословской науки и даже около самой Церкви Православной, подъ сѣнію которой ютится Академія! Развѣ можно при этомъ оставаться равнодушными къ ея завѣтамъ и идеаламъ?!

Конечно, Академія,—эта черезъ два года уже столѣтняя старлица,—переживетъ всѣхъ насъ, ея скромныхъ сочленовъ. Но я боюсь, какъ бы, оглядываясь съ высоты своего вѣкового возраста, безпристрастнымъ взглядомъ исторіи, на прошлое. она не сказала инымъ изъ насъ, какъ Генрихъ IV, одержавъ блистательную побѣду, сказалъ медлительному Крильону: „Вѣшайся, храбрый Крильонъ, мы сражались при Аркѣ, а тебя съ нами не было“.

Какъ видите, въ моихъ переживаніяхъ достаточно поводовъ, чтобы стоять сегодня предъ вами не только съ чувствомъ благодарности, но и съ нѣкоторымъ смущеніемъ. И все же, сегодня у меня на думѣ—праздникъ. Жизнь духовная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогична физической: когда идутъ въ душу токи изъ сродныхъ душъ,—чувствуешь себя празднично. Именно такъ, несмотря на все, я чувствую себя нынѣ. И еще разъ благодарю васъ за это содѣйствіе подъему моего настроенія.

А теперь, въ заключеніе. позвольте, по старорусскому обы-

чаю, просить васъ воспыть многая лѣта Преосвященнѣйшему Теодору, столь терпѣливо возглавляющему наше собраніе, всѣмъ присутствующимъ на нашемъ скромномъ праздникѣ и всѣмъ сочувствующимъ ему изъ отдаленія. *Многая лѣта!*

Послѣ чествованія въ залѣ члены академической корпораціи и присутствовавшіе гости перешли въ покои Преосвященнаго Ректора, гдѣ состоялась семейная академическая задушевная трапеза, въ теченіе которой возглашенны были тосты за здоровье Государя Императора, Владыки Митрополита, Преосвященнаго Ректора, юбиляра, за членовъ академической корпораціи какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ, за процвѣтаніе обители преп. Сергія. Былъ произнесенъ также цѣлый рядъ задушевныхъ рѣчей съ сердечными пожеланіями юбиляру. Рѣчи были произнесены о Намѣстникомъ Давры, проф. С. И. Соболевскимъ, почетнымъ блюстителемъ Академіи В. Д. Цоцовымъ, священ. о. А. И. Рождественскимъ и о. Г. И. Доброправовымъ, бывшимъ редакторомъ журнала „Русское Обозрѣніе“ А. А. Александровымъ, который въ своей рѣчи говорилъ о сердечной добротѣ и отзывчивости юбиляра и окончилъ рѣчь слѣдующимъ стихотвореніемъ, помѣщеннымъ имъ въ этотъ день на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*:

Четверть вѣка ты вдумчивымъ взоромъ слѣдилъ,
Напрягая духовное зрѣнье и слухъ,
Стражъ завѣтовъ великихъ, за тѣмъ, что творилъ,
Куда звалъ за собой человѣческой духъ.

Маякомъ четверть вѣка ты яркимъ свѣтилъ,
Указуя въ туманѣ надежный намъ путь.
На служебье твое Богъ пошла тебѣ сила,—
Маякомъ этимъ дольше намъ будь!..

Во время трапезы отъ лица всѣхъ собравшихся была послана приветственная телеграмма Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ Митрополиту, отъ котораго на имя Преосвященнаго Ректора было получена отвѣтная телеграмма слѣдующаго содержания: „Примите и передайте Алексѣю Ивановичу съ его почитателями мою благоearnость, пріятель и благословеніе“.

Торжество окончилось около четырехъ часовъ дня.

Юбилейное торжество А. И. Введенскаго имѣло весьма отрадныи и знаменательный эпилогъ: 27 января его чество-

ваша *служителя* Академіи. По должности члена Академическаго Правленія Алексѣй Ивановичъ входилъ въ самыя близкія отношенія ко всемъ служащимъ въ Академіи и въ этой области своей дѣятельности снискалъ себѣ любовь и уваженіе академическихъ служителей, о нуждахъ которыхъ заботился, стараясь улучшить ихъ матеріальное обезпеченіе и общее положеніе. И сердца „искивающихъ“ людей откликнулись на любовь и вниманіе ученаго профессора, откликнулись выраженіемъ самой трогательной благодарности. Собравшись въ квартирѣ одного изъ помощниковъ инспектора, служителя Академіи пригласили юбиляра и здѣсь писмоводитель академической канцеляріи, П. П. Чагинъ, поднесъ ему икону Покрова Пресвятой Богородицы, въ скромномъ, но изящномъ кѣлтѣ, сооруженную на собранія изъ скуднаго служительскаго жалованья деньги, а монтеръ В. Е. Сутуловъ поднесъ на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ просфору, причѣмъ ими сказаны были слѣдующія простыя, но сердечныя привѣтствія:

И. И. Чагинъ сказалъ слѣдующее:

„Высокочтимый Алексѣй Ивановичъ!

Служителя Московской Духовной Академіи, движимые сердечнымъ побужденіемъ выразить Вамъ свое уваженіе и почитаніе, поздравляютъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ вашей службы при Академіи и считаютъ долгомъ сказать Вамъ, что всегда видѣла въ Васъ человѣка, который *понималъ наши нужды, входилъ въ нихъ и заботился о насъ*. Въ знакъ нашего къ вамъ высокаго почитанія и благодарности првмите отъ насъ сію св. икону Покрова Пресвятыя Богородицы, подъ покровомъ Которой прошла лучшая пора Вашей жизни и положены Вами лучшія силы для славы Академіи“.

В. Е. Сутуловымъ сказано слѣдующее привѣтствіе:

„Глубокочтимѣйшій Алексѣй Ивановичъ!

Отъ имени всѣхъ служителей Академіи имѣю честь поздравить Васъ со двемъ Вашего 25-лѣтняго юбилея и, въ память этого радостнаго для васъ дня, мы, всѣ служителя, раздѣляя вашу радость, имѣемъ честь просить Васъ принять отъ насъ малый сей подарокъ, какъ доказательство глубочайшей любви и преданности къ Вамъ,—*за Ваше о насъ попеченіе и неоставленіе*“.

Это послѣднее „чествованіе“ какъ нельзя лучше допол-

няеть юбилейное торжество. Оно показываетъ, что любовь и уваженіе вызываетъ не одна ученая, академическая дѣятельность юбиляра, но самъ онъ, его сердечныя отношенія не только къ ученикамъ или сослуживцамъ, но даже и къ служителямъ. Высокій нравственный характеръ сказывается вездѣ, даже въ мелочахъ...

Къ юбилейнымъ торжествамъ въ сентябрѣ и январѣ А. Ив. получили телеграфныя и письменныя привѣтствія не только отъ многочисленныхъ учениковъ по Академіи, трудящихся теперь на разныхъ поприщахъ по всеѣхъ концамъ Россіи, но и отъ стороннихъ почитателей и читателей его ученыхъ и публицистическихъ трудовъ: ¹⁾

Юбиляромъ получены слѣдующія заочныя привѣтствія:

Сердечно привѣтствую Васъ, дорогой Алексѣй Ивановичъ, съ юбилейнымъ торжествомъ и усердно молю Всевышняго, да продлитъ Онъ Вашу многоплодную, разноплодную и благоплодную дѣятельность еще на многіе годы.

Митрополитъ Владиміръ.

Сердечное поздравленіе съ юбилеемъ христіанскому философу и публицисту-патріоту.

Архіепископъ Антоній.

Сердечно привѣтствую съ двадцатипятилѣтіемъ плодотворной профессорской службы и учено-литературной дѣятельности. Божіе благословеніе!

Арсеній, Архіепископъ Новгородскій.

Возлюбленный о Господѣ!

Алексѣй Ивановичъ!

Больной прибылъ я въ Задонскъ на поклоненіе св. мощамъ великаго чудотворца Тихона и здѣсь нашелъ „Колоколъ“, который благовѣстилъ мнѣ о Вашемъ юбилѣѣ. Простите, что забылъ въ свое время Васъ привѣтствовать. Примите хотя теперь мои молитвенныя пожеланія: да укрѣпитъ Васъ Господь еще и еще на многія лѣта въ служебнѣи Церкви Божіей, стойте крѣпко за нее: въ ней вѣдь одной наша надежда!.. Господи, какъ время-то скоро прошло! А давно ли Вы ходили по Успенскому саду въ Лаврѣ, зубря лекціи передъ экзаменомъ? Помню высокаго, стройнаго юношу,

¹⁾ Здѣсь помѣщены все телеграммы, а изъ письменныхъ привѣтствій, за недостаткомъ мѣста, лишь нѣкоторыя (вездѣ отмѣчены).

который такъ ласково обходился съ монахомъ Никонъ, уже тогда издателемъ, или, какъ онъ любилъ себя величать, — „редакторомъ“ „Троицкихъ Листковъ“. И вотъ пролетѣло четверть вѣка, какъ Вы вступили на кафедру и уже посѣдѣли... Сердечно привѣтствую Васъ и отъ души желаю дожить до полнаго юбилея. Вы послужили Господу и Церкви Его святой, какъ вѣрный сынъ Церкви, не гоняясь за мірской славой; не мало было Вамъ соблазна измѣнить началамъ святой вѣры и выйти на широкой путь либерализма, гдѣ, при вашихъ способностяхъ, Васъ ожидала бы извѣстность и почетъ... Вы оставались вѣрны Церкви, и Господь благословилъ смиренные труды Ваши миромъ душевнымъ... Будьте же вѣрны до смерти и примете вѣнецъ живота!

Призываю на Васъ Божіе благословеніе.

Вашъ искренній доброхотъ

Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій. ¹⁾

Милостивый Государь,

Высокоуважаемый Алексѣй Ивановичъ!

Настоящее письмо мое къ Вамъ пусть не покажется Вамъ страннымъ: оно есть выраженіе глубокаго и сердечнаго уваженія и любви къ Вамъ, какъ къ мыслителю, писателю и художнику слова, чье имя стало на ряду съ великими міровыми именами въ области человѣческой мысли и науки. Для меня же дорого, паче всего то, что Вы — питомецъ нашей духовной школы и въ особенности незабвенной Московской Духовной Академіи, въ которой и я въ томъ же 1886 г. окончилъ курсъ, будучи мало или почти неизвѣстнымъ для Васъ по причинѣ тогдашняго многолюднаго состава курсовъ.

Будучи, такимъ образомъ, товарищемъ съ Вами по курсу, я однако смѣло причисляю себя къ Вашимъ ученикамъ, вмѣстѣ съ Преосвященными Владыками Трифономъ и Анастасіемъ, слушавшими Ваши лекціи. Съ 1887 г. я состою читателемъ и подписчикомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и думаю, что не пропустилъ ни одной изъ Вашихъ статей: въ нихъ отражается мощный духъ и умъ философа-христіанина, освѣщающаго свѣтомъ Христовымъ всѣ уголки души человѣческой, всѣ ея движенія и выражающаго все это полнымъ силой и изящества словомъ.

Послѣ всего вышесказаннаго, я позволяю себѣ думать, что Вы

¹⁾ Письмо.

поймете, что настоящее письмо является сердечною потребностью съ моей стороны принять участіе въ глубокоотрадномъ и знаменательномъ празднованіи, какимъ ознаменовалось исполнившееся 25-лѣтіе Вашей службы и дѣятельности и о которомъ я освѣдомился изъ газетъ.

Молю Всевышняго Подателя всѣхъ силъ Божественныхъ, яже къ разуму и благочестію, да благословитъ Онъ и на будущія времена тѣмъ же успѣхомъ Вашу славную службу и дѣятельность во благо Св. нашей Церкви и дорогой Россіи и съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью и любовью остаюсь всепокорнѣйшій слуга Вашъ и богомолецъ

*Митрофанъ, Епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій,
въ мѣръ Аюонскій. 1)*

Сердечно привѣтствую Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ служенія Вашего наукѣ и Церкви и молю Бога о Вашемъ долгоденствіи.

Епископъ Евѡимій.

Сердечно и искренно привѣтствую Васъ, глубокопочитаемый Алексѣй Ивановичъ, съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей дѣятельности. Какъ Вашъ бывшій ученикъ по Московской Академіи и постоянный и усердный читатель, я глубоко цѣню Ваши труды и усердно и горячо молюсь Господу Богу, да продлитъ Онъ еще на долгіе годы Вашу жизнь на пользу святой Церкви и родины.

Епископъ Трифонъ.

Прошу передать сердечный привѣтъ мой незабвенному юбиляру. Да не угаснетъ свѣтъ его вѣры и мудрости и въ грядущее двадцатипятилѣтіе!

Благодарный ученикъ *Епископъ Іосифъ.*

Примите искренній привѣтъ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей академической службы. Въ лицѣ Вашемъ Академія имѣетъ истиннаго философа христіанина. Какъ хотѣлось бы, чтобы подъ его руководствомъ воспитывалась академическая молодежь многія лѣта. Жѣлаю Вамъ милости Божіей.

Епископъ Ѡдодръ.

Научившись самъ столь многому изъ Вашихъ глубокихъ философскихъ трудовъ, отъ всего сердца присоединяюсь къ правѣгу Вашихъ учениковъ и почитателей.

Александръ Тихомировъ.

1) Письмо.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ всею душой и сердцемъ привѣтствуетъ дорогого юбиляра и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ привѣтствующихъ его. Имѣя поздравить его въ своемъ составѣ, нынѣ она шлетъ ему пожеланіе многихъ лѣтъ на пользу богословско-философской науки.

Епископъ Теодоръ.

Дорогой и Высокочтимый

Алексѣй Ивановичъ!

Позвольте и мнѣ отъ всей души присоединится съ далекой чужбины къ достойному и заслуженному чествованію Вашей XXV-лѣтней дѣятельности учено-публицистической и профессорской, не ограничивавшейся лишь стѣнами аудиторіи, но захватывавшей разнообразныя стороны жизни не только въ нашемъ отечествѣ, но и на западѣ! Помню, какъ теперь, какъ Вы, въ самомъ началѣ своей профессуры, прибыли въ Берлинъ и здѣсь отъ Вашего взора не укрылось только что нарождавшееся тогда дѣло нашего Братства. Вы описали его тогда столь симпатично и сердечно, что, не сомнѣваюсь, оно обязано въ значительной степени своимъ развитіемъ и ростомъ Вашему талантливому перу. Затѣмъ я неоднократно имѣлъ случай встрѣчаться и бесѣдовать съ Вами, кромѣ Берлина, и на нашихъ курортахъ, гдѣ, къ великой моей радости, отмѣчалъ Ваше сердечное отношеніе къ создававшимся тамъ нашимъ церквямъ и попечительствамъ, особенно въ Наугеймѣ. Въ скрижаляхъ этихъ дорогихъ учрежденій вписано Ваше имя неизгладимыми штрихами. Встрѣчаясь съ Вами здѣсь и бесѣдуя, я чувствовалъ себя какъ-бы побывавшимъ въ Россіи, вдохновленнымъ и подкрепленнымъ въ своемъ служеніи на чужбинѣ русскому дѣлу! Позвольте же и мнѣ незримо присоединиться къ сонму Вашихъ многочисленныхъ соучениковъ, друзей и почитателей и пожелать Вамъ еще многихъ и долгихъ лѣтъ жизни и здоровья для продолженія Вашего служенія наукъ, Церкви и родинѣ.

Душевно преданный Вашъ молитвенникъ *прот. А. Мальцевъ.* ¹⁾

Душевно привѣтствую Васъ съ знаменательнымъ юбилеемъ. Да продолжится на много лѣтъ Ваша полезная дѣятельность Академіи и наукъ.

Искренно уважающій *Архимандритъ Алексій.*

Высокочтимаго прихожанина философа, христіанина, любящаго

¹⁾ Письмо.

благолѣпіе дома Господня, въ день юбилея съ сердечной любовью привѣтствуемъ священнослужителя Василіекесарійской церкви. Молитвами святителя Василія да хранитъ Господь Васъ, семью Вашу во здравіи многія лѣта!

Глубокочтимый Алексѣй Ивановичъ!

Въ знаменательный для Васъ день празднованія 25-лѣтняго юбилея Вашей учено-литературной дѣятельности охотно присоединяюсь къ хору Вашихъ учениковъ и почитателей, воздающихъ должную дань Вашему профессорскому и литературному таланту. Вы составляете славу и украшеніе нашей ученой Академіи, и я считаю за счастье быть Вашимъ сотоварищемъ. Примите мое искреннее привѣтствіе и благія пожеланія.

Душевно преданный и искренно уважающій *М. Тарпева* ¹⁾.

Глубокоуважаемаго юбиляра привѣтствуютъ преданные ему ученики:

Доцентъ священникъ Павелъ Флоренскій, доцентъ Владимиръ Троицкій, помощники инспектора іеромонахъ Николай, Константинъ Владиславлевъ.

Привѣтствую со славнымъ днемъ. Озареніе философскою мысли стихійной силы природы, церковно-общественныхъ настроеній Запада, основъ православной государственности, критическій анализъ блуждающей текущей мысли вызываютъ глубокое уваженіе къ Вашему таланту и плодотворной дѣятельности. Слава юбиляру!

Елтидифоръ Барсовъ.

Прошу принять мое искреннѣйшее привѣтствіе въ 25-лѣтній юбилей твоего доблестнаго служенія наукъ и Церкви. Молю Бога; да дастъ Онъ тебѣ силъ тѣмъ же подвигомъ добрымъ подвизаться и во вторую четверть вѣка.

Товарищъ по Академіи

Священникъ Петръ Архангельскій.

Сердечно поздравляю, глубокоуважаемый Алексѣй Ивановичъ! Желаю еще много лѣтъ работать на пользу дорогой русской науки.

Сергій Боткинъ (изъ Петербурга).

Преподаватели Вианской семинаріи, бывшіе ученики Ваши, привѣтствуютъ Васъ съ юбилейнымъ торжествомъ.

¹⁾ Письмо.

Душевно привѣтствую Васъ. Многія Вамъ лѣта.

Константинъ Владиславлевъ.

Кто же, какъ не Божественный Промыслъ даровалъ Вамъ таланты и призвалъ Васъ на борьбу съ лжеученіями! Слава же Богу, но слава и Вамъ, что Вы откликнулись на сей небесный призывъ и не зарыли богодарованныхъ талантовъ, а умножили ихъ во сто кратъ. Вы пролили много свѣта въ дремлющую совѣсть и косные умы современниковъ, имѣя мужество высказывать свои идеи безтрепетно. Незабвенный Алексѣй Ивановичъ, въ день Вашего юбилея примите отъ меня земной поклонъ за часы святаго восторга при чтеніи Вашихъ трудовъ.

Вашъ почитатель, Московскій домовладѣлецъ

Викторъ Волковъ.

Достопочтеннѣйшій профессоръ Алексѣй Ивановичъ! *Вологодская* Духовная семинарія, гдѣ началось Ваше служеніе духовному просвѣщенію, цѣня высоко Ваши профессорскіе труды, привѣтствуетъ Васъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ учено-педагогической дѣятельности и шлетъ сердечнѣйшее пожеланіе еще много лѣтъ трудиться на пользу отечественной богословской-философской науки.

Ректоръ съ корпораціей.

Прошу глубокоуважаемаго юбиляра принять искреннее поздравленіе и сердечное пожеланіе дальнѣйшей производительной работы на многіе годы.

Леонидъ Вороновъ.

Шлю сердечный привѣтъ со знаменательнымъ юбилейнымъ днемъ. Къ освященному собору присоединяюсь сугубыми молитвами благодаренія и прошенія о дарованіи тебѣ силъ и крѣпости для продолженія служенія во славу Божию на пользу богословской православної науки.

Другъ сотоварищъ юности твоей,

Священникъ Алексѣй Воронцовъ (товарищъ по семинаріи).

Прошу принять мои искреннія поздравленія со днемъ юбилея Вашей многоцѣнной дѣятельности.

Княгиня Софія Голицына.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, молю Бога, да сохранитъ Онъ Васъ на многіе, многіе годы. Сердечно привѣтствуетъ Васъ и мое семейство.

Священникъ Димитріевъ.

Да пошлетъ Господь юбиляру силъ, здоровья, энергiи на новое двадцатипятилѣтіе.

Николай Емельяновъ.

Въ знаменательный день двадцатипятилѣтняго служенія Вашего Церкви и родинѣ, приношу Вамъ сердечное поздравленіе и выраженіе глубочайшаго уваженія, какъ мужественному борцу во время всеобщей ожесточенной смуты, направленной противъ Христовой вѣры. Да пошлетъ Вамъ Господь еще долгіе, долгіе годы подвизаться подвигомъ добрымъ и имѣть утѣшеніе видѣть возросшую жатву отъ посѣянныхъ Вами съ непоколебимою ревностью сѣмянъ. Душевно скорбя отъ невозможности лично присутствовать на сегодняшнемъ торжествѣ, мысленно сливаюсь съ Вашими почитателями въ горячемъ желаніи Вамъ здоровья и крѣпости силъ на дальнѣйшемъ служеніи Церкви и родинѣ, неутомимо шествуя по пути столь достойно проходимомъ Вами за время предшествовавшей Вашей двадцатипятилѣтней научно-литературной дѣятельности.

Вашъ многолѣтній и глубокій почитатель

Владиміръ Истомина.

Шлю сердечный привѣтъ товарищу юбиляру, бывшему сослуживцу въ дорогой мнѣ Академіи.

Михаилъ Казанскій.

Примите сердечныя привѣтствія со днемъ Вашего юбилея, дорогой Алексѣй Ивановичъ. Дѣло Божье Вы дѣлали и многихъ научили такому дѣланію. Непоколебимо держали Вы знамя святой истины и долга, за сохраненіе коего столь геройски и вербѣдко почти одиноко боролись, когда захватывала его буря соблазновъ. Мiръ философской науки гордится своимъ высокимъ представителемъ, стяжавшимъ славу рѣдкаго таланта и гигантской энергiи. Область искусства нашла себѣ чуткаго истолкователя, блестяще разрѣшающаго его великія задачи и окрыленного неудержимымъ стремленіемъ освободить принципы эстетики отъ мнимыхъ мишурныхъ красотъ, чуждыхъ вѣчной гармоніи окружающей природы. Трактаты о сущности религіи, о всеобщности и неизблемости ея Божественныхъ началъ вошли краеугольными камнями въ богословско-научное хранилище непреложныхъ знаній, поставивъ на высшей ступени духовно-религіозной сфѣры православнаго философа-мирянина. Живите же и здравствуйте долго-долго, служа небесной истинѣ и ея раскритію въ челоуѣчествѣ!

Петръ Касицынъ.

Поздравляю Васъ, многоуважаемый Алексѣй Ивановичъ, съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ Вашей профессорской дѣятельности. Отъ души желаю, чтобы эта дѣятельность на пользу Церкви и науки продолжалась на многіе годы.

Смотритель Заиконоспасскаго училища *Василій Ключаревъ*.

Прошу принять мое, по независящимъ обстоятельствамъ, запоздавшее поздравленіе со днемъ юбилея Вашей учено-литературной дѣятельности и искреннее пожеланіе здоровья и силъ для дальнѣйшихъ трудовъ.

Владиміръ Кожевниковъ.

Сердечно поздравляю Васъ, какъ философа-христианина, съ двадцатипятилѣтнемъ Вашей профессорской дѣятельности въ родной Академіи.

Протоіерей К. Копьевъ.

Плю наилучшія пожеланія глубокочтимому юбиляру, съ честью потрудившемуся на пользу философской мысли, какъ основы христіанской вѣры.

Прасковья Микулина.

Сердечно привѣтствую Васъ, глубокоуважаемый Алексѣй Ивановичъ, въ день Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея и приношу искреннюю благодарность за Ваши добрыя отношенія къ Вашимъ ученикамъ. Желаю здоровья для продолженія Вашей плодотворной дѣятельности еще на многіе, многіе годы.

Ученикъ Вашъ, преподаватель Литовской семинаріи

Петръ Нечаевъ.

Сердечно привѣтствую Ваше двадцатипятилѣтіе. Да укрѣпитъ Господь Ваши силы на многая лѣта.

Протоіерей Озерецковскій.

Глубокочтимый Алексѣй Ивановичъ! Привѣтствую Васъ съ 25-лѣтнемъ учено - просвѣтительной дѣятельности. Желаю Вамъ отъ Господа Бога здравія и еще много лѣтъ послужить на пользу Православной Церкви, родины и богословско философской науки. Да не умолкнетъ литературное слово Ваше, всегда глубокое и сильное, для многихъ руководственное, особенно въ нашъ вѣкъ шатанія религіознаго и нравственнаго.

Вашъ слушатель, преподаватель Рязанской семинаріи и редакторъ журнала „Миссіонерскій Сборникъ“, *Николай Остроумовъ*.

Привѣтствуемъ маститаго профессора нашей родной Академіи съ исполнившимся 25-лѣтіемъ высокаго служенія на благо святой Православной Церкви и богословской науки. Много лѣтъ Вамъ, дорогой Алексѣй Ивановичъ, здравствовать!

Подольская семинарія. *Алексѣй Смирновъ, Ардаліонъ Вѣщезерскій, Ѳеодоръ Ефимовъ, Сергій Рубинскій.*

Съ искреннимъ удовольствіемъ привѣтствую глубокоуважаемаго профессора Алексѣя Ивановича съ 25-лѣтіемъ учено-педагогической дѣятельности. Будьте здоровы, счастливы на многіе годы!

Признательный ученикъ *Иванъ Романовъ.*

Поздравляемъ съ 25 - лѣтіемъ служенія Церкви и отечеству. Господь да благословитъ служеніе Ваше на многіе годы!

Протоіерей Сергій Садковскій.

Отъ имени всей нашей семьи привѣтствую Васъ по случаю исполнившагося 25-лѣтія Вашей разносторонней и неутомимой дѣятельности. Дай Богъ Вамъ силъ и здоровья на многіе годы!

Ѳеодоръ Самаринъ.

Почтительнѣйше привѣтствую Васъ съ славнымъ юбилейнымъ праздникомъ, который составляетъ торжество свѣтлой, трезвой, мощной богословской мысли въ наше тусклое безвременье. Пусть также ярко блещетъ Московская академическая звѣзда первой величины до золотого юбилея Вашего. Издатель „Колокола“ *Скворцовъ.*

Глубокоуважаемый

Алексѣй Ивановичъ!

Примите и отъ меня, многолѣтняго дѣятеля православной внутренней мисіи, сердечный привѣтъ съ юбилейно-доблестнымъ стояніемъ вашимъ, во всеоружіи научнаго меча, на стражѣ заветныхъ святынь русской земли.

Милъ сердцу тотъ, кто въ бурную ночь, — когда яростныя волны лежуть мутью своихъ пѣнящихся гребней церковный корабль и ежеминутно грозятъ разбить его о подводныя скалы и песчанья отмели, — не манитъ насельниковъ корабля въ объятія блуждающихъ огней и тѣмъ не топить ихъ въ пучинѣ морской, а высоко и ярко держитъ маячный свѣтъ, спасая корабль отъ крушенія.

Да хранитъ васъ Господь на многія лѣта во благо Церкви, Царя и Родины!

Вашъ почитатель, московскій епархіальный мисіонеръ *Иванъ Айвазовъ* ¹⁾.

¹⁾ Письмо.

Искренно поздравляемъ, дорогой Алексѣй Ивановичъ! Желаемъ Вамъ о Господѣ здравствовать многіе, долгіе и долгіе годы на радость святой Церкви, на пользу Царю и родинѣ.

Священники *Андрей и Симеонъ Соколовы.*

Сердечно поздравляю съ юбилеемъ Васъ, профессора-христіанина, вѣликаго человѣка. Съ наслажденіемъ вспоминаю Ваши лекціи въ Епархіальномъ домѣ.

Благочинный *Холмогоровъ.*

Привѣтствую достоуважаемаго юбиляра съ 25-лѣтіемъ славнаго служенія высшей богословской школѣ. Дай Богъ мужу науки еще много лѣтъ бодро стоять во главѣ просвѣщенія духовнаго юношества.

Инспекторъ *Астребцовъ.*

Привѣтствуемъ высокочтимаго юбиляра. Пензенская семинаріа.
Мусатовъ, священникъ Покровскій, Парнасскій.

Благодарные ученики въ знаменательный день 25-лѣтняго юбилея сердечно привѣтствуютъ своего дорогого учителя.

Священникъ Новиковъ. Діаконъ Фрязиновъ.

Глубокоуважаемый Алексѣй Ивановичъ! Примите наше поздравленіе по случаю 25-лѣтней Вашей учено - литературной дѣятельности на пользу нашей дорогой Россіи и искреннія пожеланія продолжать ее на долгіе и долгіе годы. Глубоко уважающіе Васъ:
Сергій Тарасовъ, Владиміръ Верховскій, Сергій Патакинъ.

Поздравляемъ Васъ съ исполненнымъ 25-лѣтіемъ Вашего многоплоднаго служенія въ качествѣ профессора и писателя въ защиту идеаловъ разума и вѣры и желаемъ Вамъ отъ всей души въ добромъ здоровьи съ неменьшею честью подвизаться на избранномъ Вами поприщѣ еще многіе многіе годы.

Преподаватели Московской духовной семинаріи:

Никитскій, Минервинъ, Святковидовъ.

Сердечно поздравляемъ съ юбилейнымъ днемъ и просимъ принять искреннѣйшія пожеланія здоровья и силъ для продолженія на многая лѣта высокополезной ученой дѣятельности.

Ваши ученики: Инспекторъ Тифлисской семинаріи *Полиевктъ Якубовскій, Иеромонахъ Нифонтъ, Михаилъ Баржицкій*

Сердечно поздравляю незабвеннаго наставника. Святитель Алексій, Вашъ Ангелъ, да хранитъ Васъ отъ всякаго зла.

Архимандритъ Арсеній.

Всей душой переживаю Вашъ праздникъ. Да хранитъ Васъ Господь для истиннаго любомудрія на благо Церкви и дорогой Академіи.

Протоіерей Соболевъ.

Отъ запоздалаго поздравителя, Вашего почитателя примите сердечное привѣтствіе съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ Вашей славной профессорской дѣятельности. Молитвенно желаю Вамъ здравія, крѣпости силъ и многая лѣта.

Протоіерей Захвеевъ.

Поздравляю съ юбилеемъ Вашей полезной дѣятельности и отъ души желаю дождаться слѣдующаго Вашего юбилея.

Гриневицкая.

Горячо привѣтствую Вашу дѣятельность, пробуждающую и поддерживающую въ общественномъ сознаніи столь нужную ему религіозную мысль. Очень сожалѣю, что лишень возможности лично Васъ привѣтствовать сегодня.

Николай Кузнецовъ.

Кромѣ телеграммъ и помѣщенныхъ выше привѣтственныхъ писемъ, получены еще письма отъ прот. І. Соловьева, Ѳ. Самарина, свящ. Н. Колосова, свящ. В. Быстрицкаго, свящ. І. Архангельскаго, Ѳ. Каспичной, свящ. І. Кесарійскаго, свящ. В. Петрова, В. В. Владиславлева (изъ Фрейбурга), А. М. Бабакова, свящ. Мартина Струмищенскаго (преподав. Тифлисской семинаріи), іеродиакона Сергія, Н. Д. Протасова, товарища юбиляра по семинаріи и академіи, нынѣ помощ. смотрителя Волоколамскаго духовнаго училища, С. А. Новоселова, который между прочимъ закончилъ письмо слѣдующимъ четверостишемъ:

Коллега мой и юбиляръ!
 Какой скажу тебѣ привѣтъ?...
 Пусть жизнь твоя, какъ Божій даръ,
 Еще продлится столько жъ лѣтъ!

Участниками юбилейнаго чествованія проф. А. И. Введенскаго положено основаніе учрежденію *преміи его имени* за лучшія семестровыя сочиненія студентовъ перваго курса по систематической философіи и логикѣ. Въ настоящее время поступило на этотъ предметъ около 500 р. Желающіе содѣйствовать успѣшному осуществленію этого начинанія своими взносами благоволятъ направлять ихъ или къ свящ. Г. І. Добронравову (Москва, Лиховъ переулокъ, Епархіальный д.), или къ помощнику инспектора Академіи, іеромонаху Николаю (Сергіевскій посадъ, зданіе Академіи).

Списокъ печатныхъ трудовъ А. И. Введенскаго за 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности.

1886 годъ.

„Сравнительная оцѣнка догматическихъ системъ высокопреосвящ. митрополита Макарія и архимандрита (епископа) Сильвестра“. *Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія*, кн. 2, стр. 129—150; кн. 3, стр. 248—280 и кн. 4, стр. 334—353.

„Къ вопросу о происхожденіи религіи, Изложеніе и разборъ теоріи Макса Мюллера“. *Вѣра и Разумъ*, т. 2-й, стр. 400—420; 427—441; 506—528.

1887 г.

„О дѣляхъ изученія исторіи философіи“ (вступительная лекція въ курсъ исторіи философіи). *Правосл. Обзорніе*, кн. 12, стр. 713—728.

1888 г.

„О религіозной философіи Гартмана“ (пробная лекція). *Прибавленія къ Твореніямъ св. Отецъ*, т. I, стр. 73—104.

Отношеніе Ланге къ вопросу о познаніи“ (пробная лекція). *Тамъ-же*, стр. 53—72.

„Необходимость преобразованія религіозной жизни Запада“. *Чтенія въ Обществѣ Любителей Дух. Просвѣщенія*, кн. I, стр. 39—64.

1889 г.

„Религія, какъ фактъ“. *Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія*, кн. I, стр. 28—48.

1890 г.

„Вопросъ о происхожденіи и основаніяхъ вѣры въ Бога въ рациональной философіи отъ Декарта до Канта“ (очеркъ историко-критической). *Прибавленія къ Тв. св. Отецъ*, т. 2, стр. 217—240.

„Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. Опытъ положительнаго рѣшенія вопроса, въ связи съ историко-критическимъ изученіемъ главныхъ направленій его рѣшенія въ текущемъ (XIX) столѣтіи“. *Православное Обзорніе*, кн. 4—12.

„Чистое око“. *Душеполезное Чтеніе*, кн. I, стр. 4—14, и 2, стр. 197—206.

„О послушаніи св. Церкви“. *Душ. Чт.*, кн. 3, стр. 311—318.

„Путь жизни“. *Душ. Чт.*, кн. 5, стр. 11—22.

„Правда жизни (христіанскій взглядъ на страданія, особенно такъ называемыя неповинныя)“. *Душ. Чт.*, кн. 10, стр. 268—278.

„Будущая жизнь“. *Душ. Чт.*, кн. 12, стр. 535—553.

1891 г.

„М. И. Каринскій. Безконечное Анаксимандра“ (рецензія). *Вопросы Философіи и Психологии*, кн. 9, стр. 104—108.

„Фулье и метафизика будущаго“. *Вопр. Фил. и Психол.*, кн. 8, стр. 1—30, и кн. 9, стр. 127—145.

„Демоніонъ Сократа“. *Вѣра и Разумъ*, кн. I, стр. 483—516.

„Основные гносеологическіе принципы послѣквантовской философіи“. *Вѣра и Разумъ*, кн. 11, стр. 305—326.

„Будущая жизнь“. *Душ. Чт.*, кн. 4, стр. 535—553.

„О такъ называемыхъ неповинныхъ страданіяхъ (по поводу сужденій Русскаго Вѣстника)“. *Душ. Чт.*, кн. 12, стр. 505—512.

Вѣра въ Бога и проч. *Праз. Обзор.*, кн. 1—3.

Въ этомъ году вышла въ свѣтъ магистерская диссертація подъ заглавіемъ: „А. Введенскій. Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. Положительное рѣшеніе вопроса, въ связи съ историко-критическимъ изученіемъ его въ текущемъ столѣтіи“.

„Рѣчь предъ защитой диссертація“. *Прибавленія къ Твор. св. Отецъ*, т. 2, стр. 461—482.

1892 г.

Рецензія на книгу Кроля (Croll. The philosophical Basis of Evolution). *Вопросы Фил. и Псих.*, кн. 11, стр. 80—86.

„Основатель системы трансцендентальнаго монизма“. *Вопросы Фил. и Психол.*, кн. 14, стр. 1—28, и кн. 15, стр. 1—17.

„Сократъ (характеристика)“. *Вѣра и Разумъ*, т. 2, стр. 175—192.

„Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ-за границы)“. *Богословскій Вѣстникъ*, кн. 2—4, 5, 7, 9.

„Русское православное Братство св. Равноапостольнаго князя Владиміра въ Берлинѣ“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 6, стр. 550—565.

Рецензія на книгу протоіерея А. П. Мальцева (Die Nachtwache oder Abend- und Morgengottesdienst der Orthodox-catholischen Kirche des Morgenlands). *Богословскій Вѣстникъ*, кн. 6, стр. 588—595.

„Философія въ современной Германіи“. *Бог. Вѣстникъ*, кн. 10, стр. 23—45; 12, 332—369.

1893 г.

„О задачахъ современной философіи, въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской“. *Вопросы Филос. и Психологии*, кн. 20, стр. 125—157.

„О религиозной философіи В. Д. Кудрявцева“. *Вѣра и Разумъ*, т. I, стр. 51—71: 103—123.

„Очеркъ современной французской философіи“. *Вѣра и Разумъ*, т. I, стр. 429 сл., 531 сл. и т. 2-й, стр. 45 сл., 99 сл., 191 сл., 237 сл., 307 сл., 329 сл., 422 сл., 451 сл., 475 сл.

„Современное состояніе философіи въ Германіи“. *Богословскій Вѣстн.*, кн. 5, стр. 283—318, кн. 8, стр. 230—261, кн. 9, стр. 351—389.

„Западная дѣйствительность и русскіе идеалы“ (письма шестое и седьмое). *Бог. Вѣстн.* кн. 5 стр. 331—363 и кн. 12, стр. 521—554.

„Памяти В. Д. Кудрявцева (Рѣчь, сказанная въ день годовичнаго поминовенія философа, въ присутствіи профессоровъ, студентовъ и особо приглашенныхъ лицъ)“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 2, стр. 336—351.

„Петръ Евгениевичъ Астафьевъ († 7 апрѣля), характеристика его философскихъ и публицистическихъ взглядовъ“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 6, стр. 554—571.

„Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ (По поводу 50-лѣтія его епископскаго служенія)“. *Богосл. Вѣстн.* кн. 6, стр. 515—565.

„Рѣчь при погребеніи редактора Правосл. Обозрѣнія, протоіерея П. А. Преображенскаго“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 7, стр. 150—154.

„Двѣ библиографическія замѣтки о новыхъ трудахъ настоятеля прав. церкви въ Берлинѣ, протоіерея А. П. Мальцева“. *Бог. Вѣстн.* кн. 7, стр. 162—166:

1894 г.

Рецензія: „Проф. М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ“. *Вопросы Фил. и Психол.*, кн. 22, стр. 266—273.

„Очеркъ совр. французской философіи“. *Вѣра и Разумъ*, т. I, стр. 1 сл., 24 сл. и т. II, стр. 49 сл., 69 сл.

„Философія въ современной Германіи“. *Бог. Вѣстн.* кн. 1, стр. 77—79.

„Къ характеристикѣ современныхъ настроеній“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 4, стр. 148—168.

Въ этомъ году вышли двѣ книги А. П. Введенскаго:

1. „Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ-за границы)“. *Сергіевъ Посадъ. 1894. Стр. 208.*

2. „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи (Зимній семестръ 1892 уч. г. въ Берлинѣ и лѣтній въ Сорбоннѣ и au Collège de France)“. *Сергіевъ Посадъ. 1894. Стр. I—XXXIII+186+330.*

1895 г.

„Ученіе Канта о пространствѣ“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 6, стр. 390—404 и кн. 7, стр. 73—102.

„Краткія записки по Основному Богословію (для студентовъ Моск. Университета, въ пособіе для подготовки къ экзаменамъ), проф.-протоіерея Н. А. Елеонскаго“ (рецензія). *Бог. Вѣстникъ*, кн. 8, стр. 252—264.

„О современныхъ задачахъ воспитанниковъ духовныхъ академій въ области философіи“ (вступительная лекція). *Бог. Вѣстн.*, кн. 10, стр. 75—91.

„Виндельбандъ. Философія Канта (перев. Платоновой). Рецензія. *Богосл. Вѣстникъ*, кн. 10, стр. 119—125.

„Славянофильская формула“. О брошюрахъ А. А. Кирѣева: „Наши противники и наши союзники“ и „Споръ съ западниками настоящей минуты“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 12, стр. 400—448.

1896 г.

„Законъ причинности. Опытъ разъясненія закона съ точки зрѣнія философіи воли или волюнтаризма“. *Вѣра и Разумъ*, кн. 3, стр. 213—239 и кн. 4, стр. 315—344.

„Памяти Н. Н. Страхова. († 24 янв.)“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 3, стр. 485—489.

„Памяти Ю. Николаева (Говорухи-Отрока, † 27 іюля). *Бог. Вѣстн.*, кн. 8, стр. 208—211.

„Новости западно-европейской философской литературы“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 1, стр. 138—162.

„Къ вопросу о выработкѣ міросозерцанія (о брошюрахъ Н. И. Карѣева)“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 4, стр. 141—162.

„Сомнительная помощь самообразованію. Критическія замѣчанія на программы, изданныя Коммиссіею по организаціи домашняго чтенія, состоящею при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній“. *Бог. Вѣстникъ*, кн. 4, стр. 160—168.

„Одинъ изъ типовъ нашей университетской философіи (Тейхмюллеръ и Бобровъ)“. *Бог. Вѣстн.* кн. 8, стр. 212—228.

1897 г.

„Протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, какъ профессоръ философіи“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 12, стр. 463—507.

1898 г.

„Письма о современномъ искусствѣ“. *Русскій Вѣстникъ*.—Въ томъ-же году „письма“ вышли отдѣльною книгою (М. 1898. Стр. 158).

1899 г.

„Религіозная вѣра, какъ біогенетическій принципъ психологіи“. *Бог. Вѣстникъ*, кн. 1, стр. 39—59, кн. 5, стр. 75—98, кн. 9, стр. 40—68.

„Литература вопроса и примѣчанія къ статьѣ: Религіозная вѣра, какъ біогенетическій принципъ психологіи“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 9, стр. 69—83.

1900 г.

„Время и вѣчность (актовая рѣчь)“. *Бог. Вѣстникъ*, кн. 10, стр. 244—273.

Книга: „На современные темы. Сборникъ популярно-философскихъ статей“. М. Университетская типографія. 1900 г. Стр. 142. (Первоначально въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*).

„Религія и социологія“. *Русскій Вѣстникъ*.

„Смыслъ язычества. (Философскій комментарий на 1 гл., ст. 18—32 посл. къ Римл.)“. *Вѣра и Церковь*, кн. 1, стр. 25—48.

1901 г.

„Изъ итоговъ вѣка. Литературно-философская характеристика XIX столѣтія“. *Бог. Вѣстникъ*, кн. 1, стр. 1—22.

„О законмѣрности въ исторіи естественныхъ религій“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 5, стр. 30—75.

„Браманизмъ“. *Бог. Вѣстн.*, кн. 7 и 8, стр. 440—497, кн. 9, стр. 24—59, кн. 10, стр. 242—284, кн. 12, стр. 595—630.

„Реальность внѣшняго міра“. *Вѣра и Разумъ*, книги 1—7.

„Буддійское ученіе о цѣли причинности“. *Вѣра и Разумъ*, кн. 7—8.

„Одинокій мыслитель“ (Вл. С. Соловьевъ). *Русское Обозрѣніе*, кн. 1, стр. 107—117.

„Буддійская нирвана“. *Русскій Вѣстникъ*.

Книга: „Законъ причинности и реальность внѣшняго міра“. Харьковъ. 1901, стр. 312.

1902 г.

Докторская диссертация: „Проф. Алексій Введенскій. Религіозное сознаніе язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій“. Т. 1. М. 1902. Стр. XII+750.

„Гоголь, какъ христіанинъ и христіанскій правоучитель“. *Душ. Чт.*, кн. 4-я и слѣд.

„Свѣтлый праздникъ у насъ и за границей“. *Душ. Чт.* кн. 4-я.

„Д. Θ. Касицынъ, какъ профессоръ и ученый“. *Душ. Чт.* кн. 12-я, стр. 524—545.

„Чего ждетъ общество отъ духовно-образованнаго юношества?“ Вступительная лекція. *Богосл. Вѣстн.*, кн. 9, стр. 169—183.

1903 г.

„Запросы времени“. *Бог. Вѣст.*, кн. 10, стр. 240—255.

„Недоразумѣніе по важному вопросу“ (о монашествѣ). *Душ. Чт.*, кн. 1.

„Противъ очевидности и мимо запросовъ жизни“ (къ полемикѣ о монашествѣ). *Душ. Чт.* кн. 5, стр. 119—139.

Брошюра: „Религіозное обновленіе“ нашихъ дней“ (вып. 1-ый, М. 1903 г.),—первоначально въ Моск. Вѣд.

1904 г.

„Къ вопросу о методологической реформѣ православной догматики“. *Богосл. Вѣстн.*, кн. 6, стр. 179—209.

„Дальне-восточная война, въ связи съ вопросомъ о войнѣ вообще“. *Богосл. Вѣстникъ*, кн. 11, стр. 446—473 и кн. 12, стр. 665—682.

„Памяти проф. Д. Θ. Голубинскаго“. *Душ. Чт.* кн. 1.

Брошюра: „Религіозное обновленіе“ нашихъ дней“ (вып. 2-й, М. 1904),—первоначально въ Моск. Вѣд.

1905 г.

„Пастырь-труженикъ“. *Душ. Чт.* кн. 3.„Плачете о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ“. *Душ. Чт.* кн. 3.„О воскресеніи въ тѣлѣ“. *Душ. Чт.*, кн. 5, стр. 43—56.

1906 г.

„Анализъ идеи пространства“. *Богосл. Вѣстн.*, кн. 4, стр. 692—710.

1907 г.

„Историкъ-художникъ“ (памяти Куно Фишера). *Бог. Вѣстникъ*, кн. 11, стр. 449—494.„Пессимизмъ теории и оптимизмъ жизни. Опытъ характеристики міросозерцанія Гартмана въ пѣломъ“. *Душ. Чт.*, кн. 3, 407—424, кн. 4, стр. 584—604. *Статья вышла отдѣльною брошюрою съ портретомъ философа.*„Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача“ (публ. лекц.). М. 1907 г. стр. 88. *Отдѣльная брошюра, первоначально напечатанная въ Моск. Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1907 г.*

1908 г.

„Міровая трагедія знанія“ (вступительная лекція въ курсъ исторіи философіи). *Бог. Вѣстн.*, кн. 1, стр. 146—188. *Статья вышла отдѣльною брошюрою.*„Власть надъ умами. О такъ называемой „философской отвѣтственности“. *Христіаникъ*, кн. 12, стр. 782—800.

1911 г.

„Переломъ въ современномъ общественномъ сознаніи“. *Богосл. Вѣстн.*, кн. 1. *Статья вышла отдѣльною брошюрою (стр. 31).*

Кромѣ перечисленныхъ выше статей, перу А. И. Введенскаго принадлежитъ нѣсколько мелкихъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, *Душеполезномъ Читеніи* (въ „Отликахъ“), за время редактированія имъ этого журнала (гг. 1902—1906) и др. изданіяхъ.

Начиная съ 1897 г. А. И. Введенскій регулярно работаетъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ которыхъ ведетъ отдѣлъ „Критическихъ замѣтокъ“, гдѣ, кромѣ статей богословско-философскаго и популярно-научнаго характера, разбираетъ выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы. Онъ далъ критическій разборъ произведеній слѣдующихъ писателей: Л. Н. Толстой (1898, №№ 259 и 263; 1899, № 78; 1902, № 239; 1910, №№ 256, 262; 1911, №№ 58 и 103), Пушкинъ (1899, №№ 118—159), Короленко (1899, № 257), Полонскій (1899, №№ 292, 299), Боборыкинъ (1900, № 77; 1901, №№ 41 и 198; 1910, № 65), Достоевскій (1901, № 27), М. Горькій (1901, № 345; 1902, № 107; 1903, № 46; 1905, № 289; 1910,

№ 47), А. К. Толстой (1901, №№ 163—226), Гоголь (1902, №№ 40, 52, 67; 1909, № 65), Чеховъ (1904, №№ 24 и 244), Л. Андреевъ (1904, № 265), Лермонтовъ (1907, №№ 114, 120 и 125), Кольцовъ (1909, № 226), Островскій (1911, № 138);—изъ иностранныхъ— Золя (1899, № 348), Ибсенъ (1900, № 104), Байронъ (1900, №№ 186, 214), Бьернсонъ (1900, № 277, 298), Бурже (1902, № 128), Контъ (№ 246), Спенсеръ (1903, № 334), Кантъ (1904, № 31), Зудерманъ (1905, № 307), Оскаръ Уайльдъ (1907, №№ 217—246), Густавъ афъ-Гейерстамъ (1910, №№ 232 и 238), Германъ Бангъ (1911, № 120) и др. Въ настоящее время А. И. озабоченъ изысканіемъ возможности издать нѣкоторыя изъ этихъ статей отдѣльными книгами.

Сверхъ того, подъ его редакцію изданы слѣдующія переводныя книги:

1. Эрнестъ Навиль: *Что такое философія?* 1896 г.
 2. Олэ-Дяпрюнъ: *Цѣнность жизни.* 1898 г.
 3. Каро: *Идеи Бога и безсмертія души.* 1898 г.
 4. Шарль Секретанъ: *Цивилизація и въра.* 1900.
-